

МАКС ГЛЕБОВ

БАРЬЕР ОРИОНА

Разведчик барона

Макс Алексеевич Глебов

Разведчик барона

Серия «Барьер Ориона», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70359262

Аннотация

После очень непростого перехода через Змеиный лес охотник за артефактами Сергей Белов наконец попадает в город. Это открывает перед ним новые возможности, но одновременно грозит и множеством опасностей. Его ждет сложный разговор в Особой канцелярии барона, а сотрудников тайной службы вряд ли можно назвать приятными собеседниками. От результатов этой беседы, а вернее, допроса, зависит очень многое, так что позволить себе ошибиться Сергей не может. Ему нужно получить лицензию охотника за головами и при этом не лишиться добытого в походе весьма недешевого трофея. Это очень непростая задача, особенно с учетом того, с какой организацией Сергею предстоит иметь дело.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Макс Глебов

Разведчик барона

Глава 1

Нас ведут куда-то к центру города. Как я понимаю, главная контора Особой канцелярии находится в цитадели, чаще называемой баронским замком, и сержанта везут именно туда. Несмотря на уверения Евгения, что я тоже ценный свидетель, меня решают пока оставить в участке местной стражи. Для ожидания мне выделяют небольшую каморку с минимумом мебели. Хорошо хоть не камеру. Впрочем, враждебности и подозрительности по отношению ко мне стражники не проявляют, и это уже неплохо.

В том, что вскоре баронские дознаватели захотят со мной побеседовать, сомнений нет. Вопрос лишь в том, насколько быстро я им понадоблюсь. Есть надежда, что успею хотя бы поесть и привести себя в порядок. У меня в рюкзаке остался небольшой запас продуктов, но пользоваться им не приходится, покормить меня стражники не забывают. Разнообразием местная кухня не балует, однако большая тарелка густых наваристых щей и толстый кусок свежего хлеба появляются передо мной довольно быстро. Приносит их молодая и симпатичная, но демонстративно строгая девушка в фор-

ме капрала баронской стражи. Выглядит она так, будто долго готовилась к приему в высшем свете, не жалея ни денег, ни времени на лучших городских портных. Похоже, местная красавица не слишком счастлива тем, что ей приходится прислуживать какому-то грязному деревенскому охотнику, но, судя по всему, её начальство считает, что лучше покормить меня здесь, да и вообще следует пока ограничить мои контакты с кем бы то ни было, а то мало ли какая информация может достичь не тех ушей. С Особой канцелярией потом проблем не оберешься.

– Спасибо, капрал, – я вежливо киваю эффектной стражнице, – скажите, а умыться и хоть как-то почистить одежду здесь где-то можно? Со мной, вероятно, вскоре захотят поговорить. Не хотелось бы представлять перед начальством в таком виде.

Пару секунд я наблюдаю на лице девушки сложную гамму эмоций. Она, похоже, вообще не собиралась со мной разговаривать, и, возможно, даже получила приказ не вступать с непонятым охотником ни в какие дискуссии, но мой вопрос звучит вполне естественно, и она всё же решает ответить.

– Я передам вашу просьбу лейтенанту, – сухо произносит стражница и, не дожидаясь моей реакции, выходит из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Звука задвигаемого засова я не слышу. Видимо, меня всё же не воспринимают, как задержанного, но что-то мне подсказывает, что ес-

ли я решу выйти из каморки и прогуляться по коридорам участка, рядом обязательно окажется кто-то из местных сотрудников и ненавязчиво объяснит, что лучше бы мне данное помещение не покидать.

Досматривать меня на входе в участок никто не стал, однако огнестрельное оружие вежливо, но настойчиво попросили сдать. Так что сейчас оба моих револьвера, снайперская винтовка и трофейная автоматическая пушка лежат в местной оружейке под присмотром дежурного сержанта.

Местных порядков я совсем не знаю, но сейчас поздний вечер, и высокое начальство уже наверняка отдыхает. Возможны, конечно, варианты, однако доклад сержанта в любом случае сначала выслушает кто-то рангом ниже, и только по его итогам будет приниматься решение стоит ли дергать серьезных людей немедленно, или возникшая проблема подождет до утра. Думается мне, о гибели половины взвода баронской стражи и угрозе захвата лихими людьми Александровки начальству всё же решат доложить немедленно, но какое-то время это всё равно займет.

В своих рассуждениях я оказываюсь прав, и к моменту, когда стражникам приходит приказ доставить меня в Особую канцелярию, я успеваю смыть с себя дорожную грязь и переодеться в чистую форму баронской стражи без знаков различия, принесенную мне всё той же неразговорчивой девушкой-капралом.

Из оружия мне возвращают только винтовку, да и то

без боеприпасов.

– Заберешь свои стволы на обратном пути, – поясняет дежурный сержант. – В канцелярию с оружием нельзя, однако для твоей СВД почему-то сделали исключение. Холодное оружие тоже сдай. Мы тебя шмонать не будем, но на входе в канцелярию в любом случае будет досмотр, и если что-то найдут, будут очень недовольны. Люди там серьезные и шутить не любят, так что лучше их лишний раз не раздражать.

– Я тогда, пожалуй, весь рюкзак здесь оставлю, – предупреждение дежурного приходится очень кстати. – У меня что ни вещь, то оружие. Ну, или то, что можно за него принять.

Брать с собой на допрос трофейный шар тайкунов мне очень не хочется. Рано еще светить его перед дознавателями из Особой канцелярии. Пусть лучше здесь полежит. Стражникам вроде до моих вещей дела нет, так что тут они точно целее будут.

– Оставляй, – одобрительно кивает сержант. – Получишь назад вместе с остальным железом.

Пока всё складывается неплохо. Я и сам хотел оставить стражникам на хранение свои вещи, а тут и повод для этого очень удачно образовался. Теперь шар тайкунов и мой амулет, расширяющий возможности зрения, тихо лежат в брезентовом мешочке на дне рюкзака, отданного мной дежурному стражнику, а на груди под одеждой у меня висит другой трофейный амулет, так ни разу и не откликнувшийся на мои попытки наладить с ним контакт.

Цитадель выглядит внушительно. Её внешний периметр – ещё одна высокая стена из бетонных блоков с плотными спиралями колючей проволоки поверху и хорошо укрепленными приземистыми башнями через каждые сто метров. Старых зданий внутри цитадели немало, а промежутки между ними плотно застроены очень прилично выглядящими деревянными и каменными домами, возведенными уже после войны. Чувствуется, что живут здесь далеко не последние люди. В центре цитадели расположена хорошо укрепленная резиденция барона, но мы идем не туда.

Главная контора Особой канцелярии впечатляет. Она занимает неплохо сохранившееся трехэтажное кирпичное здание довоенной постройки. Как оно умудрилось уцелеть во время Чужой войны – вопрос сложный. Время, конечно, изрядно над ним поработало, но, похоже, на поддержание этого строения в приличном состоянии сил и средств барон не жалеет. В сравнении с нашими деревенскими бетонными двухэтажками это просто дворец какой-то.

На входе меня досматривают со всей тщательностью. Винтовку сразу забирает и куда-то уносит один из сотрудников канцелярии. К ней, как и ожидалось, вопросов не возникает, а вот амулет, висящий у меня под курткой, вызывает довольно бурную реакцию местной охраны.

– Это что? – не обещающим ничего хорошего голосом спрашивает меня начальник дежурной смены со знаками различия капрала. Его черно-серая форма выглядит очень внушительно, и, несмотря на невысокое звание, ведет он себя, как полный хозяин положения. Впрочем, как соотносятся звания в Особой канцелярии и той же баронской страже, я не знаю. Возможно, местный капрал по статусу выше сержанта-стражника.

– Это амулет тайкунов, – я равнодушно пожимаю плечами, всем своим видом показывая, что не считаю данный инцидент своей проблемой. – Меня предупредили о необходимости оставить в оружейной комнате стражи холодное и огнестрельное оружие. О конструктах тайкунов речи не шло.

Старший смены бросает вопросительный взгляд на сопровождающего меня стражника, и тот, явно смутившись, коротко кивает.

– Дармоеды, – сквозь зубы цедит охранник и снова начинает сверлить меня взглядом. – Зачем ты принес сюда амулет?

– Может пригодиться при беседе с дознавателем. Это вещественное доказательство. Мне начать излагать подробности прямо здесь?

– В этом нет необходимости, – охранник неожиданно успокаивается, – но конструкт придется сдать. Старшему дознавателю мы передадим его сами.

– Как скажете, капрал, – я без возражений позволяю снять

с себя амулет.

Больше вопросов ко мне не возникает, но прибытия того, кто будет меня опрашивать, приходится ждать около часа. Жду, а куда деваться? Наконец меня ведут на второй этаж, где, похоже, находятся кабинеты дознавателей. Нужная нам дверь оказывается в самом конце коридора. Сопровождающий меня охранник негромко и подчеркнуто вежливо стучится и, дождавшись разрешения войти, докладывает о доставке свидетеля.

За дверью оказывается приемная, в которой нас встречает стройная девушка в такой же черно-серой форме, но со знаками различия лейтенанта. Это уже гораздо серьезнее, и мне становится интересно, сколько же звезд на погонах у того, с кем мне предстоит беседовать.

– Этот предмет был изъят у свидетеля при досмотре, – охранник передает референту мой амулет.

– Попытка скрытого проноса? – ошутимо напрягается лейтенант. – Почему посетитель не задержан?

– Недоработка стражников. Свидетель не был предупрежден о необходимости сдать конструкт. По его словам, он принес его к нам в качестве вещественного доказательства.

– Я доложу господину полковнику. Ждите.

Изящная сотрудница Особой канцелярии исчезает за дверью, ведущей в кабинет начальника. Амулет она уносит с собой. Звукоизоляция здесь выше всяких похвал – из-за закрытой двери не доносится ни звука. Впрочем, если бы сей-

час на меня накатило обостренное восприятие, я бы, наверное, что-то услышал, но, увы, организм не считает ситуацию достойной такого напряжения сил.

– Проходите, свидетель, – девушка-лейтенант вновь появляется в приемной. – На вопросы отвечать четко и коротко. Что-либо скрывать я вам искренне не советую, это может иметь для вас крайне печальные последствия.

В кабинете большого начальника царит обстановка подчеркнутой строгости и деловитости. Никакой роскоши, мебель из дерева и кожи, выдержанная в темных тонах. Большой стол, за которым в массивном кресле восседает высокий и ещё совсем не старый полковник тайной службы барона. Взгляд у него... ну, как бы это сказать? Нацеленные тебе в лоб зрачки стволов спаренной артиллерийской установки выглядят несколько приветливее. Профессиональный такой взгляд, явно отточенный годами допросов. Выдержать его решительно невозможно, да и не нужно, наверное.

– Господин полковник... – начинаю я, глядя чуть выше головы хозяина кабинета.

– Присаживайся, охотник, – прерывает меня дознаватель. Его голос звучит сухо, но не враждебно, а вот взгляд продолжает пробивать меня насквозь. – Можешь не представляться, о тебе мне уже известно всё, что нужно, а я для тебя – господин полковник, и этого пока достаточно.

Кресло для посетителей оказывается не слишком удобным. Не то чтобы я испытывал какой-то дискомфорт, но рас-

слабиться в таком точно не получится. Видимо, такая функция хозяином кабинета в этот предмет интерьера и не закладывалась. Собеседник должен быть в тонусе, а не засыпать на допросе, даже если он пока не обвиняемый, а сам допрос формально считается лишь опросом свидетеля.

– Рассказывай, – приказывает полковник, – обо всём, что видел и в чем участвовал с момента, когда вышел в дозор, во время которого выследил и задержал шпиона лихих людей.

Начинаю излагать, опуская незначительные, на мой взгляд, подробности. Всё, как и требовала секретарь полковника – четко и коротко. Дознаватель меня не перебивает, только иногда делает какие-то пометки в блокноте. Почти всё, о чем я рассказываю, ему уже известно из доклада раненого сержанта и писем Игната и старосты Александровки. Тем не менее, полковник тратит время на то, чтобы выслушать еще и мою версию. Поиск нестыковок в показаниях – любимое занятие всех деятелей подобного рода. Это я не в осуждение, у каждого своя работа, и полковник делает свою со всей серьезностью.

Когда я заканчиваю, дознаватель некоторое время смотрит на меня, а потом указывает на лежащий на столе амулет.

– События ты описал вполне связно, но вот об этом не сказал ни слова. Почему? Ты ведь, как я понял, принес сюда этот конструктор, как вещественное доказательство?

– Именно так, господин полковник. Однако к описанным

мною событиям данный амулет никакого отношения не имеет. Он попал ко мне за несколько дней до того, как наш караван отправился в город из Коробово.

– Вот как? – дознаватель демонстративно изгибает бровь, продолжая буравить меня своим фирменным взглядом. Впрочем, я уже немного привык к этой его манере, и она больше не производит на меня столь сильного впечатления. – А я было решил, что этот амулет ты снял с лазутчика бандитов.

– Практически так и было, – я решаю подпустить немного тумана. Совсем чуть-чуть. На самом деле, в такие игры с полковником тайной службы лучше не играть. – Только не с этого лазутчика, а с тела проводника бандитов, которые устроили на меня засаду в Змеином лесу. Его имя Герхард, а наняли его люди из ватаги Уильяма.

Полковник отлично скрывает свои эмоции, но что-то, мелькнувшее в его глазах, всё же выдает, что он удивлен.

– А не слишком ли много ты знаешь о городских криминальных группировках для простого деревенского охотника? – медленно произносит дознаватель.

– Как зовут проводника, я услышал, пока следил за обнаруженной мною засадой, а именем Уильяма меня пытался запугать последний оставшийся в живых бандит.

– Ты взял его в плен?

– Всего на несколько минут. С такими ранениями долго не живут.

– Сколько их было?

– Пятеро, если считать вместе с проводником.

– Имена остальных тебе известны?

– Нет. Я слышал только как главарь лихих людей обратился по имени к Герхарду.

Вот тут я, конечно, допустил прокол. Что мешало мне узнать имена или клички бандитов у Данжура? Уж он-то точно их слышал много раз, пока был у них в плену. Оправдывает меня только то, что тогда я понятия не имел, как эту информация можно использовать.

– Зачем ты принес сюда амулет, если он не имеет прямого отношения к нападению на караван? – меняет направление допроса полковник.

– Сержант Евгений Кротов рассказал мне о том, что, убив несколько врагов Барона, за смерть которых Особой канцелярией назначена награда, я могу подать прошение на получение статуса охотника за головами. Само собой, я сразу вспомнил об этом эпизоде и о том, что у меня есть доказательство уничтожения пособника лихих людей по имени Герхард. Я не знаю, назначена ли за его голову награда, но решил, что предъявить этот амулет будет не лишним.

– Герхард... – задумчиво произносит полковник. – Всех бандитов из списка не запомнишь. Тем более, что это может быть и не имя вовсе, а кличка. Но амулет интересный.

Полковник нажимает неприметную кнопку на краю стола, и через пару секунд в кабинет заходит секретарь.

– Виктория, отправьте этот амулет спецам по конструктам. Мне нужно знать, есть ли у них какая-то информация по его владельцу.

– Какой приоритет присвоить задаче?

– Если сразу что-то смогут сказать, пусть доложат немедленно, а так обычная срочность. И еще. Передайте Говорову, что через час он будет мне нужен вместе с его людьми.

– Будет исполнено, – кивает девушка и немедленно исчезает за дверью.

– По остальным трупам бандитов какие-то вещдоки есть?

– Не здесь. Обрез трехствольного охотничьего ружья и револьвер главаря остались в тайнике в Змеином лесу. В деревню не понёс, не хотел сдавать шерифу за бесценок.

– Нарушаешь законы поселения, охотник? – слегка прищуривается полковник. – Впрочем, это ваши дела. Особая канцелярия такими мелочами не интересуется. Обрез трехстволки, говоришь... Это интересно. Попадались мне доклады о головорезе из банды Уильяма, очень ловко орудующего таким оружием.

– С ловкостью у него действительно всё было в порядке, – я слегка передергиваю плечами, демонстрируя, что воспоминания об этом моменте меня не слишком радуют. Этот ловкач меня чуть на тот свет не отправил. Вхлам разнес картечью мой арбалет, а меня самого только чудом не зацепило.

– Вспомнил. Его кличка Солод, и он точно есть в списке врагов барона. Вот только одних твоих слов мало. Нужен

групп, который опознают мои люди или стражники, либо ружье, оно очень приметное, как и твоя СВД, снятая со снайпера. Впрочем, одного только оружия может быть мало. Ладно, вернемся к нашему делу. Опиши подробнее тактику банды, вооружение и количество бойцов. Ты сказал, что их действиями руководил грамотный и авторитетный командир. Мне нужно знать, на каком основании ты пришел к такому выводу.

Полковник мучает меня вопросами еще минут сорок. Всё это время я жду очень неудобного вопроса о том, какие именно трофеи я снял с лазутчика лихих людей, но почему-то дознаватель его не задает. Видимо, сейчас это не самые важные для него детали, тем более что шпион захвачен и находится под охраной в Александровке, а значит, через какое-то время его можно будет допросить и узнать всё, что нужно из первых уст. В первую очередь полковника, похоже, интересует личность главаря банды. Возможно, он догадывается, кто это и усиленно ищет хотя бы косвенные доказательства своим предположениям.

Допрос внезапно прерывается появлением в кабинете лейтенанта Виктории.

– Господин полковник, амулет опознан, – докладывает она предельно деловым тоном. – Его владелец – серый рейнджер Герхард Леман. Есть непроверенная информация, что он скрытый морф. Доказаны его тесные связи с криминальным крылом немецкой диаспоры, возглавляемой Уильямом

Кёлером. Находится в розыске и в листе врагов барона. Награда полторы тысячи за живого или тысяча за доказанную ликвидацию.

– Везет тебе, охотник, – я впервые вижу на лице дознавателя некое подобие улыбки, больше, правда, напоминающей оскал.

– Скорость и качество работы ваших подчиненных вызывает уважение, – я ничуть не пытаюсь льстить. Оперативность поступления информации от неведомых мне спецов по конструктам тайкунов действительно впечатляет.

– У нас очень строгий отбор, отсюда и результат, – спокойно отвечает полковник. – Значит так, охотник Сергей Белов, полученные от тебя сведения представляют определенную ценность, да и сам ты кажешься мне человеком небесполезным. Поэтому с получением статуса охотника за головами я тебе помогу. Надеюсь, ты в курсе, какие неприятные особенности связаны с твоим выбором?

– Сержант Кротов ввел меня в курс дела. Живым в руки лихих людей мне лучше не попадать.

– Верно. Если это тебя не смущает, остается только получить одобрение специальной комиссии. Доказательств уничтожения врагов барона у тебя хватает. Многие из них косвенные, но есть и прямые, включая свидетельства стражников. Кроме того, у меня в ящике стола лежат соответствующие рекомендации от старшего караванщика Игната Матвеева и сержанта баронской стражи Кротова. Этого должно

быть достаточно, вот только комиссия не собирается по желанию никому не известного деревенского охотника. Она заседает раз в два месяца, и последнее заседание было пару недель назад. Это значит, что в следующий раз комиссия соберется нескоро, а ты покинешь город вместе с усиленным отрядом баронской стражи уже завтра в середине дня, и даже если потом ты прибудешь сюда с застрывшим в Александровке караваном, что тоже нельзя гарантировать, вернуться домой тебе придется намного раньше, чем состоится новое заседание специальной комиссии.

Похоже, наши с сержантом планы грозят вдребезги разбиться о местные бюрократические устои. Впрочем, полковник что-то говорил о помощи. Наверняка она окажется далеко не бесплатной. Что ж, посмотрим, чего от меня захочет высокое начальство Особой канцелярии.

– И ничего нельзя сделать? – задаю я явно ожидаемый полковником вопрос. – Ну, с учетом всех обстоятельств.

– Над этим можно подумать. Надеюсь, ты понимаешь, что в специальную комиссию входят уважаемые и очень занятые люди. Собраты на внеочередное заседание они, конечно, могут, вот только для этого их нужно об этом очень убедительно попросить. Я могу приложить к этому усилия и думаю, что мне не откажут, но для рядового деревенского охотника я этого делать не стану.

– А для кого станете?

– Для своего сотрудника, работающего под прикрытием.

Ну, кто бы сомневался. Вербовка – второе излюбленное мероприятие всех и всяческих особистов. Впрочем, почему бы и нет? Послушаем, для начала, что господин полковник мне предложит.

– Что мне предстоит делать?

– Ты слишком торопишься, охотник, – лицо полковника кривится в некоем подобии усмешки. – Тот, кто хочет работать под моим началом, должен всегда быть со мной до конца честен, а ты к этому, похоже, пока не готов.

– Я хотя бы в чем-то солгал, отвечая на ваши вопросы? – теперь наступает моя очередь удивленно изгибать бровь.

– Нет. Иначе разговор у нас сейчас шел бы совсем в другом ключе. Но и всей правды ты мне тоже не сказал, предпочтя кое о чем умолчать. В целом я тебя понимаю, как человека, не имеющего никакого отношения к нашей службе. У тебя есть свои интересы, и они не обязаны совпадать с нашими. Для охотника-одиночки такое поведение допустимо, а вот для кандидата в мои подчиненные – нет.

Хозяин кабинета ждет моей реакции и снова пытается проделать во мне дыру своим бронебойным взглядом.

– Что ещё вы хотели бы узнать, господин полковник?

– Ну, например, мне было бы интересно услышать, откуда у тебя вот эти предметы? – дознаватель неторопливо открывает ящик стола и извлекает из него шарообразный конструкт тайкунов и амулет, позволяющий мне видеть в темноте и продлевающий состояние обостренного восприятия.

Безусловно, такого поворота следовало ожидать. Надежда на то, что мой рюкзак, сданный в оружейную комнату стражников, никто так и не станет досматривать, у меня, конечно, теплилась, но если уж полковник решил меня завербовать, не покопаться в моих вещах он просто не мог. Не лично, естественно, однако у него хватает подчиненных, которым можно поручить эту работу.

– Амулет добыт мной в Змеином лесу, – отвечаю чистую правду, поскольку скрывать её нет никакого смысла. – Произошло это уже давно. Я нашел останки двух тайкунов, погибших во время Чужой войны. С одного из них и снял амулет. А вот шар попал ко мне недавно. Это один из трофеев, доставшихся мне при захвате лазутчика лихих людей, следившего за нашим караваном.

– Почему умолчал об этих конструктах?

– Прежде чем допустить меня сюда, ваша помощница предупредила меня, что докладывать следует быстро и четко, не углубляясь в малозначимые детали. Я действовал строго в соответствии с этой инструкцией и не стал заострять ваше внимание на вещах, не имеющих прямого отношения к делу.

Я ненадолго замолкаю, изображая на лице внутреннюю борьбу. Полковник меня не торопит, и, выдержав небольшую паузу я продолжаю.

– Было и еще одно соображение. Я немного ориентируюсь в ценах на артефакты тайкунов. Не скажу, что большой специалист в этом деле, но даже мне понятно, что этот шар –

очень дорогая штука, и мне совсем не хотелось его лишиться. Да и амулет мне дорог, он приносит удачу. Возможно, это простое суеверие, но с ним я чувствую себя в Змеином лесу намного увереннее.

– Не думаю, что в твоём случае речь идет о суеверии, – слегка качает головой полковник. – Но это мы сейчас проверим. Амулет можешь оставить себе, я верну его тебе после завершения нашей беседы, а вот по шару решение будет приниматься отдельно и во многом по результатам того, что произойдет в ближайшие полчаса.

Особист вновь нажимает кнопку вызова референта, и лейтенант Виктория немедленно появляется в кабинете.

– Капитан Говоров и его люди ожидают в приемной, – докладывает она, не дожидаясь вопроса полковника.

– Пусть заходят.

Кажется, я догадываюсь, что сейчас будет. Даже если сержант Кротов не поделился с дознавателями своими подозрениями по поводу того, что я морф, спецы из Особой канцелярии вполне могли и сами прийти к такому же выводу.

Капитан и двое его подчиненных со знаками различия лейтенантов молча занимают места напротив меня за большим столом для посетителей, иногда бросая в мою сторону оценивающие взгляды. Один из них начинает доставать из кожаного портфеля и раскладывать передо мной амулеты. Некоторые из них кажутся мне знакомыми. Объединяет их одно – в каждом я чувствую значительную концентрацию

энергии тайкунов. Есть в кабинете и ещё один заряженный ей артефакт. Такие конструкты мне ещё ни разу не попадались. Это кольцо с крупным зеленым камнем, которое я замечаю на мизинце левой руки капитана Говорова. Интересно, почему именно на мизинце? Впрочем, возможно, на другие пальцы оно просто не нашлось.

– Охотник Сергей Белов из Коробово, – представляет меня вновь прибывшим полковник. – Провел через Змеиный лес сержанта-стражника со срочным сообщением для нашей службы. В пути случилось несколько инцидентов с конструктами тайкунов и техникой кибов. В результате одного из них сержант получил ранение, но с помощью Белова всё-таки смог добраться до города.

– Несколько инцидентов с тварями кибов и тайкунов? – задумчиво переспрашивает Говоров. – Обычным людям, даже хорошо подготовленным, как правило, хватает и одного.

– Именно так, капитан, – кивает полковник, явно одобряя ход мыслей подчиненного. – Однако добычей артефактов в этих опасных местах Белов занимается, судя по всему, уже не первый год. Кстати, без трофеев не обошлось и в этот раз. Из Змеиного леса наш герой вышел с практически неповрежденной автоматической пушкой малого робота-разведчика кибов. Весьма необычно для простого охотника, не правда ли, господа? Думаю, данный случай как раз по вашей части, так что можете приступать.

– Начнем, пожалуй, со стандартных тестов, – решает ка-

питан и переводит взгляд на меня. – Перед вами десять артефактов тайкунов. Внимательно посмотрите на них. Встречались ли вам ранее какие-либо из этих предметов?

Не нужно быть великим мыслителем, чтобы понять, что ни полковник, ни капитан не сомневаются в том, что я морф. Пытаться отпираться бессмысленно, слишком уж убедительные аргументы они приводят. Вот только и полностью раскрывать свои возможности мне тоже нельзя, иначе светит мне золотая клетка в каких-нибудь секретных баронских лабораториях, и хорошо если не в глубоких подвалах Особой канцелярии.

– Вот этот мне знаком, – показываю на третий слева конструкт. – Аналогичный я даже как-то держал в руках.

– При каких обстоятельствах? – уточняет капитан.

– Нашел в разрушенном укрепрайоне тайкунов вместе с останками его бывшего владельца.

– Что сделали с находкой?

– Продал. Мне он был без надобности.

– А этот почему оставил себе? – вступает в беседу полковник, указывая на амулет, извлеченный из моего рюкзака.

– Он приносит мне удачу, – отвечаю максимально туманно, надеясь создать впечатление, что я и сам не понимаю, каким образом трофейный конструкт мне помогает.

– В чем именно это выражается? – перехватывает у начальника инициативу капитан.

– Сложно сказать конкретно, – я мнусь, изображая мучи-

тельную попытку зафиксировать в мозгу постоянно ускользающую мысль. Говорить совсем уж неправду откровенно страшно, но и рассказывать всё, как есть, я не могу. – Мне кажется, что когда он со мной, я немного раньше замечаю любую опасность, причем её природа не имеет значения.

– Вы что-нибудь ощущаете, когда дотрагиваетесь до вашего амулета?

– Обычно ничего, но несколько раз мне казалось, что я чувствую какое-то едва заметное покалывание или почти неосязаемую вибрацию. Четко зафиксировать это ощущение я ни разу не смог, так что, возможно, это просто мои фантазии.

– Дотроньтесь до вашего конструкта, – капитан кладет мой амулет на стол прямо напротив меня.

Я послушно тяну к нему руку, совершенно не понимая, что хочет увидеть специалист по морфам. Вот только вряд ли он требует от меня коснуться амулета без всякой причины. Значит, каким-то образом капитан способен зафиксировать наличие или отсутствие реакции артефакта на мое прикосновение.

В том, что каждый раз амулет реагирует с различной интенсивностью, я не соврал. Правда, раньше я не обращал на эту особенность особого внимания, однако сейчас она неожиданно приобретает большое значение. Моя рука уже почти касается конструкта, когда я неожиданно понимаю, что нужно делать. В мои пальцы как будто перетекает неви-

димая энергия. Её очень мало, но больше и не нужно. Она лишь несет в себе команду, и когда я касаюсь покрытого рунами каменного кругляша, он четко выполняет мой приказ и реагирует во много раз слабее, чем обычно.

Зеленый камень на кольце капитана начинает тускло светиться. Длится свечение не дольше секунды, но все, кому нужно, успевают его заметить. Я усиленно делаю вид, что ничего не разглядел. Полковник, к слову, тоже никак не реагирует, а вот оба лейтенанта и капитан явно ждали реакции камня и теперь обмениваются короткими взглядами, продолжая при этом внимательно следить за выражением моего лица.

– Достаточно, – кивает капитан, забирая у меня амулет. – Теперь по очереди дотроньтесь до всех конструктов, разложенных перед вами на столе.

На этот раз я уже знаю, что нужно делать. Из десятка амулетов на мои прикосновения реагируют три, и каждый раз кольцо капитана Говорова отмечает эту реакцию тусклым свечением. В одном из случаев оно вообще едва заметно.

– Ваш вывод, капитан? – полковник, похоже, уже не раз присутствовал на подобных тестах и неплохо знает процедуру.

– Охотник Белов – слабый морф, – после секундного размышления докладывает Говоров. – Слабый, но разносторонний. Это довольно редкое сочетание. Испытуемый смог установить контакт с тремя классами конструктов, но в каждом

случае связь была очень неустойчивой. Кроме того, вполне возможно и даже весьма вероятно наличие у Белова одного или нескольких пассивных умений, опять же выраженных очень слабо, однако всё же способных помогать ему выживать в Змеином лесу. Случай интересный, но вряд ли перспективный в плане использования в наших исследованиях. Обычно мы рекомендуем для таких кандидатов службу в баронской страже.

– Я в курсе, – глядя куда-то мимо Говорова, отвечает полковник, явно о чем-то размышляя. – Но пока Белов нужен мне для других целей. Капитан, почему вы не протестировали его на взаимодействие с шаром тайкунов?

– Маловероятно, что будет реакция. Это артефакт намного более высокого ранга, чем амулеты, а у Белова даже с ними контакт крайне неустойчив. Подчинить себе шар уже попытались все наши сильные морфы. Это первое, что мы сделали, прежде чем передать его вам. Контакта нет ни у кого.

– Вообще ноль?

– Полный. Но если вы считаете нужным, можем проверить Белова.

– Лишним не будет, – полковник подталкивает ко мне шар, и я останавливаю его прикосновением пальцев. Конструкт воспринимает мою команду, и красные кристаллические вставки, которыми инкрустирована его поверхность, на мгновение наливаются бледным свечением. Зеленый камень в кольце капитана вспыхивает чуть ярче, чем когда я

касался амулетов. Совсем ненамного, но всё же заметно, что реакция выражена сильнее.

– Очень интересно, – озадаченно произносит капитан и поясняет произошедшее полковнику, не наделенному способностями морфа. – Контакт есть, причем даже более отчетливый, чем с амулетами, но всё равно очень слабый. Вот только намного более сильным и опытным специалистам не удалось добиться даже этого, а у почти бесполезного в нашем деле низкорангового морфа контакт с конструктом установился. Выжать из этого мы вряд ли что-то сможем, но сам факт...

– Насколько я знаю, контакт с конструктом со временем может становиться более плотным и стабильным, – полковник продолжает вытягивать из Говорова подробности.

– У сильных морфов – безусловно, но это не наш случай. Здесь дело не в алгоритмах взаимодействия с артефактом, которые можно со временем оптимизировать, а в потенциале самого морфа. У Белова просто не хватит сил на нормальное взаимодействие с конструктом такого высокого ранга. Удивительно уже то, что он вообще смог установить с ним контакт.

С минуту полковник размышляет над словами Говорова, после чего, приняв для себя какое-то решение, негромко произносит:

– Спасибо, капитан, вы и ваши люди свободны.

Когда за последним сотрудником группы Говорова закры-

вається дверь, хозяин кабинета переводит взгляд на меня.

– Понял, что здесь произошло?

– Очень приблизительно. Слово «морф» я раньше слышал, но до сих пор не уверен, что понимаю всё правильно.

– Брось, Белов, сержант Кротов достаточно подробно рассказал тебе, кто такие морфы.

Что ж, и этого следовало ожидать. Раненый сержант раскололся, хоть вроде и не собирался этого делать. Вот только в таком заведении, как Особая канцелярия, плохих специалистов не держат. Да и зачем сержанту особо упираться? Подставлять меня он, конечно, не хотел, но своя шкурка ему, естественно, намного дороже.

– Я его рассказу не поверил, – тут можно и немного поупорствовать, я ведь действительно не сознался Евгению в наличии у меня особых способностей. – Теперь понимаю, что ошибался.

– Ладно, это дело прошлое. Пока ты не стал моим подчиненным, тебе многое прощается. Но, если примешь мое предложение, будь готов за любую ложь или сокрытие важной информации нести ответственность по всей строгости.

– Что от меня требуется?

– Разведка. На восточных границах баронства зреет что-то очень нехорошее. Лихие люди ведут себя всё наглее. С сопредельных территорий стали чаще проникать крупные банды. С одной из них ты уже имел удовольствие столкнуться. Одновременно с этим активизировался и городской кри-

минал. Всё это не цепь совпадений и случайностей. Доказательств пока нет, но за происходящим наверняка стоит кто-то из очень серьезных недругов барона. Не буду скрывать, ты подвернулся мне очень удачно. Парень из деревни, решивший стать охотником за головами – отличное прикрытие. Тебя почти все знают в Коробово, а теперь и кое-кто в Динино. При этом ты одиночка по натуре. Никто не заподозрит в тебе разведчика барона, а статус охотника за головами вполне оправдывает твое появление в дальних восточных деревнях, вокруг которых расплодились бандиты всех мастей, снабжаемые необходимыми припасами и деньгами кем-то из наших добрых соседей.

Я задумчиво смотрю на полковника и задаю вполне естественный, на мой взгляд, вопрос:

– Зачем мне это? Не слишком ли высокая цена за внеочередное заседание специальной комиссии? Мне придется рисковать головой, причем значительно сильнее, чем я привык это делать даже в своих рейдах в Змеиный лес.

– Насколько я знаю, риск тебя не пугает, – спокойно отвечает полковник. – А что касается цены, давай подумаем вместе. Ты получишь статус охотника за головами и выплаты за всех убитых и захваченных тобой врагов барона. Никто не станет придирается к представленным тобой доказательствам. Кроме того, как разведчик барона и мой сотрудник, ты станешь обладателем расширенной лицензии на владение огнестрелом. Никаких ограничений. Хоть оружие ки-

бов с собой таскай, если, конечно, сможешь заставить его работать. Твоя связь с Особой канцелярией афишироваться, естественно, не будет, но оперативникам, работающим под прикрытием, наша служба выплачивает денежное вознаграждение. Поверь мне, его размер тебя не разочарует, особенно если добываемые тобой сведения окажутся достаточно ценными.

– Звучит неплохо, но у нас есть ещё ряд нерешенных вопросов.

– Да, кое-что еще нужно обсудить, – вновь скалится в улыбке полковник. – Например, письмо, которое лежит во внутреннем кармане твоей куртки. Я не знаю от кого оно, а вот кому адресовано, мне известно, и этого вполне достаточно, чтобы догадаться о его содержании.

– Охрана доложила?

– Естественно. Хорошо подготовленным людям достаточно беглого взгляда, чтобы запомнить адрес. Хочешь узнать, что внутри?

– Письмо запечатано, но я тоже догадываюсь.

– Не разочаровывай меня, ты показался мне достаточно неглупым человеком. Печати и конверт – это не проблема, если ты находишься в стенах Особой канцелярии.

Никакого желания защищать интересы нашего деревенского шерифа я, естественно, не испытываю. Поэтому достаю письмо и без всяких сомнений протягиваю его полковнику, а через пятнадцать минут лейтенант Виктория прино-

сит его в кабинет уже в распечатанном виде.

– Читай вслух, – требует полковник, протягивая мне короткий текст.

Я выполняю его приказ и не нахожу в тексте ничего такого, что меня бы удивило. Да, шериф действительно собирался продать меня одному из аристократов, причем, похоже, в обход старосты. При этом текст он составил так, что если бы я самовольно вскрыл письмо до всех событий, позволивших мне узнать подробности о морфах, я вряд ли бы догадался, о чем идет речь.

– Очень занятно, – полковник явно доволен услышанным. – Сейчас мы приведем письмо в изначальный вид, и ты обязательно сходишь по этому адресу, но не сейчас, а когда прибудешь в город со своим караваном. Этот визит будет очень полезен. Позже я объясню тебе, чем именно, и как следует себя вести при встрече с получателем письма. А теперь я жду твоего решения, охотник.

– Мы обсудили ещё не все вопросы.

– Ну, ты и наглец, Белов, – в голосе полковника мне слышатся едва уловимые нотки восхищения. – Что ещё?

– Мне нужно бесшумное скорострельное оружие, – начинаю я с важного, но, пожалуй, самого малозначимого из условий, – а еще я должен знать, что станет с моими трофеями – автоматической пушкой кибов и шаром тайкунов.

– С оружием и пушкой вопрос решается легко, – полковник мгновенно переключается на деловой тон. – Пушку мы

тебе не вернем, но компенсацию выплатим более чем достойную, и эти деньги ты сможешь потратить на приобретение нужного тебе огнестрела у одного из подконтрольных нам торговцев. Снабдить тебя стволом из нашего арсенала я не могу. О твоей работе на Особую канцелярию будут знать всего несколько человек, так что покупка огнестрела в одной из городских оружейных лавок пойдет твоей легенде только на пользу. В нашем деле не стоит пренебрегать мелочами.

– А шар тайкунов?

– С ним сложнее. Я вижу, что ты хочешь оставить его себе, но это очень дорогой и ценный артефакт.

– Как я понял, для вас он бесполезен, а я, возможно, получу с его помощью какие-то новые возможности. Да, как морф я весьма слаб, но уже больше десяти лет хожу в змеиный лес, причем небезуспешно, и если шар тайкунов хотя бы на несколько процентов увеличит мои шансы на выживание, это значит, что и вероятность выполнения поставленной вами задачи тоже возрастет.

– Это последний вопрос, который мешает тебе принять положительное решение?

– Да, последний.

– Забирай, – полковник вновь толкает ко мне шар. – Но учти, этот конструкт ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки врагов барона. И ещё. Капитан Говоров не верит, что ты можешь научиться эффективно работать с артефактом такого ранга, но я в жизни многое ви-

дел и знаю, что бывает всякое. О любом прогрессе в этом направлении будешь докладывать только мне и исключительно при личных встречах.

* * *

Похоже, вляпался я весьма основательно. Был ведь обычным деревенским охотником, на которого мало кто обращал внимание. Ну, пусть не совсем обычным, но всё равно не вызывавшим интереса у сильных мира сего. Но вот послушался советов сержанта баронской стражи и захотел стать более самостоятельным и независимым. Решил стать охотником за головами, а превратился в итоге в оперативника второго ранга Особой канцелярии барона. Сразу второй ранг, вместо низшего третьего, мне присвоили за способности морфа. О чем-то подобном мне рассказывал и сержант Кротов. Морфов на службе барона ценят. Всё это, конечно, дает немало приятных бонусов, вот только работать на тайную службу я никогда не мечтал. Особая канцелярия – это такое специфическое место, войти в которое намного проще, чем потом оттуда выйти. Впрочем, долго задерживаться в статусе оперативника я в любом случае не собираюсь, вот только внятного плана, как выпутаться из сложившейся ситуации, у меня пока нет. Будем смотреть по обстоятельствам. Почему-то я не сомневаюсь, что удобный случай соскочить с этого паровоза мне рано или поздно представится.

С комиссией все вопросы решились на удивление гладко. Впрочем, в возможностях полковника Павлова, соизволившего всё же назвать мне одну из своих вымышленных фамилий, я особо и не сомневался. Деньги за уничтоженных врагов барона мне выплатили без задержек, и половину из них я честно передал сержанту Кротову, навестив его в местном военном госпитале, хотя его заслуга в том, что я их получил оказалась минимальной. Однако договор есть договор, и уваливать от его исполнения я не стал. Евгений, к слову, несмотря на ранение, порывался идти с отрядом баронской стражи в Александровку, но медики его не отпустили и, на мой взгляд, правильно сделали.

Снайперскую винтовку тоже передал сержанту. Полковник сперва сомневался, возвращать ли её мне, но, узнав о нашей договоренности с Кротовым, махнул на это рукой. Не знаю, насколько скоро сержант сможет из неё стрелять, но своим приобретением он явно остался доволен.

Ну а в качестве вишенки на тортик я получил весьма щедрую компенсацию за изъятую у меня автоматическую пушку кибов, и в итоге у меня скопилась более чем серьезная сумма. Я таких денег никогда ни то что в руках не держал, а даже и не видел. Монетами я столько просто бы не унес, так что почти вся сумма была мне выдана векселями баронского казначейства. Такие бумаги я вижу впервые, но мой новый начальник уверяет, что их примет любой городской торговец или меняла, да и лавочники в крупных деревнях

тоже им не удивятся.

Сейчас уже почти середина дня. Поспать мне удалось всего пару часов, но дела не ждут, и в данный момент я подхожу к указанной мне полковником оружейной лавке. Нужный дом я узнаю сразу. Чувствуется, что здесь живет и ведет дела более чем успешный торговец.

Встречают меня не сказать, что приветливо. Моя прочная, но далеко не новая одежда охотника не производит на здешний персонал благоприятного впечатления. Впрочем, нищим я тоже не выгляжу. Скорее, человеком с довольно скромными возможностями, случайно зашедшим не в ту дверь.

– Вы что-то хотели, молодой человек? – демонстрируя хорошо дозированное удивление, спрашивает продавец. При этом откуда-то слева неторопливо появляется внушительного вида охранник. Ко мне он пока не приближается, но свое присутствие обозначает, вполне недвусмысленно намекая всем своим видом на возможные печальные последствия любых необдуманных действий с моей стороны.

– Да, уважаемый, – нарываться на конфликт в мои планы не входит. – Мне нужно сравнительно компактное, бесшумное и скорострельное оружие, с которым будет удобно действовать в достаточно густом лесу.

– Многозарядный арбалет? – продавец продолжает рассматривать меня оценивающим взглядом. – Такие изделия стоят весьма недешево. Я могу поинтересоваться, какой сум-

мой вы располагаете?

– К арбалетам я, возможно, вернусь позже, – последний вопрос продавца я демонстративно игнорирую, – а сейчас мне бы хотелось посмотреть, что вы можете предложить из огнестрельного оружия, подходящего под мои требования.

– Продать такой товар я могу только покупателю, имеющему необходимую лицензию. У вас она есть? – судя по выражению лица продавца, он очень сомневается, что подобное требование выполнимо для человека моего возраста и внешности. Охранник, похоже, придерживается того же мнения, и происходящее ему всё больше не нравится.

Я демонстративно медленно извлекаю из внутреннего кармана карточку размером с четверть стандартного листа. На ней есть все необходимые печати, подписи и даже моя фотография. Черно-белая, но вполне приличного качества. Вся карточка покрыта ровным слоем специального защитного лака. Таких документов у меня тоже раньше никогда не было. Возможности Особой канцелярии приятно удивили, изготовили мою лицензию очень быстро. Поразил и огромный фотоаппарат в деревянном корпусе со стеклянными пластинами вместо пленки.

Бровь продавца непроизвольно дергается, но он быстро берет себя в руки. Охранник тоже слегка расслабляется, лицензию на владение огнестрелом он наверняка видит не впервые. Конечно, остается ещё вопрос моей платежеспособности.

собности, но кому попало столь серьезные документы не выдают, так что и в этой части сомнений у персонала оружейной лавки явно становится меньше.

Тем не менее, прежде чем продолжить беседу, продавец очень внимательно рассматривает карточку, чуть ли ни обнюхивая каждую строку текста.

– Думаю, мы можем предложить вам несколько вариантов... – наконец как-то неуверенно произносит продавец, но продолжить не успевает. За его спиной открывается неприметная дверь и из нее выходит хозяин оружейной лавки. Ну, я так думаю, что хозяин. Уж очень уверенно он держится, и при его появлении охранник и продавец сразу как-то подтягиваются.

– Что у тебя тут, Егор? – спрашивает торговец и бросает на меня короткий взгляд. По его лицу я не могу определить, какое впечатление произвел на него мой вид.

– Покупатель просит показать ему бесшумный и компактный огнестрел, удобный для использования в условиях леса, – продавец протягивает хозяину мою лицензию.

– И в чем проблема?

– Уже ни в чем, – лицо продавца выражает легкую панику. – Вот, пытаюсь подобрать варианты под эти требования.

– Что-то я не вижу на прилавке ни одного образца, – нехорошо щурится владелец заведения. – А вот лишних вопросов здесь звучит более чем достаточно. Иди на склад, Егор, и принеси мне АКСУ с глушителем и «Вал».

– Но...

– Неси, я сказал, – негромко произносит торговец, но делает это так, что непонятливый Егор мгновенно срывается с места и исчезает за дверью, ведущей куда-то во внутренние помещения.

– Прошу меня извинить, – владелец лавки переключает внимание на меня. – К нам нечасто заходят охотники за головами, и Егор пока плохо разбирается в таких покупателях, хотя мог бы и понять, что человек, четко знающий, что ему нужно, не придет в мою оружейную лавку ради пустого любопытства.

Продавец возвращается довольно быстро, и на прилавок передо мной ложатся два автомата с глушителями. Один из них мне знаком, видел я такие у пары баронских стражников, а вот второй мне раньше на глаза не попадался.

– Автомат Калашникова складной укороченный АК-С-74У, – представляет первый ствол торговец. – Калибр 5,45 под промежуточный унитарный патрон. Довольно распространенный боеприпас, но стоит недешево, как и любые патроны к оружию довоенного производства. Надежный, легко чистить, хорошая проникающая способность пули. Возможно скрытное ношение, но с некоторыми ограничениями. Очень неплохая дальность для сравнительно компактного оружия. Из недостатков стоит отметить невысокую кучность автоматической стрельбы и низкое останавливающее действие пули. Ну и, естественно, общая беда большинства

современных патронов для старого оружия – довольно частые осечки. Эффективность глушителя относительно невысокая, но это смотря для каких целей вы собираетесь его применять. В целом оружие очень хорошее и неприхотливое, за исключением всё того же глушителя. Он довольно капризен, и применять его постоянно я не рекомендую – быстро выйдет из строя. Существуют более надежные модели, но у нас таких нет. Это вообще довольно редкий товар, новые поступления бывают нечасто.

– Сколько вы за него хотите?

– Вместе с глушителем, чехлом, набором принадлежностей для чистки и четырьмя магазинами – десять тысяч двести рублей. Патроны приобретаются отдельно. Тридцать пять монет за штуку.

Да, похоже, я сильно продешевил, согласившись продать сержанту Кротову снайперскую винтовку за семь тысяч. Наверняка она стоит дороже этого автомата, а там ведь ещё и оптика была... Впрочем, цены в оружейной лавке и должны быть выше, чем при покупке оружия непосредственно у его владельца, но всё равно на продаже СВД я явно немало потерял. С другой стороны, опыт тоже денег стоит. В следующий раз буду умнее.

– А второй автомат? – я перевожу взгляд на незнакомый мне ствол.

– Автоматическая штурмовая винтовка «Вал». Специально создавалась для бесшумной стрельбы. Глушитель у этой

модели встроенный и намного более эффективный, чем у АКСУ. При наличии естественных шумов звук выстрела практически неразличим. Пистолетная рукоять и складной трубчатый приклад обеспечивают компактность оружия. Стандартный коробчатый магазин на двадцать патронов, но можно найти и варианты на десять и на тридцать. Калибр девять миллиметров под специальные дозвуковые патроны СП-5 и СП-6. Сразу предупреждаю, бронебойные СП-6 достать практически невозможно, их уже давно никто не делает, но даже пуля СП-5 пробивает со ста метров шести-миллиметровый стальной лист, и от нее не спасают бронежилеты второго класса защиты. Редкое и очень хорошее оружие, практически идеально подходящее под ваши требования, но его главная проблема – боеприпасы. Патроны СП-5 делают небольшими партиями и только в столице. Заказывать их приходится оттуда, а это, как вы понимаете, дело затратное и далеко не быстрое. У нас есть некоторый запас, однако цена вас не обрадует – сто пятьдесят рублей за штуку. Правда, у таких дорогих патронов есть и важное преимущество. Их изготавливают на лучшем оборудовании, и они проходят строгий контроль качества, так что осечек «Вал» практически не даёт.

– И какова цена?

– Сам автомат с комплектом принадлежностей и шестью магазинами обойдется вам в пятнадцать тысяч. Он стоил бы намного дороже, если бы не дефицитность и дороговизна бо-

еприпасов.

Требуемая сумма у меня имеется, даже с большим запасом. В принципе, я мог бы купить оба ствола, но АКСУ мне не подходит. Я слышал, как стрелял автомат сержанта Кротова. У него тоже имелся глушитель, однако звук всё равно оставался достаточно громким по меркам Змеиного леса. Выбор уже практически сделан, вот только, прежде чем принять окончательное решение, мне нужно убедиться в том, что товар действительно соответствует описанию.

– Я могу сделать несколько выстрелов из «Вала»? Патроны, само собой, за мой счет.

– Пойдемте, – после недолгих колебаний, отвечает торговец. – В подвале у нас есть небольшой тир для пристрелки оружия.

Я трачу на испытание «Вала» пять патронов и понимаю, что без этого оружия отсюда не уйду. Звук выстрелов вполне сопоставим по громкости с механическим шелестом, издаваемым при стрельбе движущимися деталями автомата. Да, по цене патроны просто золотые, но своя тушка мне почему-то дороже, и экономить на собственных шансах на выживание я не собираюсь.

– Сколько у вас есть к нему патронов?

– Было сто, осталось девяносто пять. Если возьмете все, эти пять пробных выстрелов пойдут за наш счет.

Из оружейной лавки я выхожу с изрядно похудевшим кошельком. Почти в ноль похудевшим, в сравнении с той сум-

мой, которой я ещё совсем недавно располагал. Помимо «Вала» я приобрел дополнительный запас патронов к двум своим револьверам, причем тоже не поскупился, выбрав самые дорогие.

Времени у меня почти не остается. Барон, пришедший в ярость от полученных известий, приказал в кратчайшие сроки разобраться с вконец оборзевшими лихими людьми и выделил в усиление стражникам армейский минометный взвод. Сводный отряд уже через час должен выдвинуться в сторону Александровки, и я иду вместе с ним. При этом не вполне понятно, в качестве кого. Ни в штате стражников, ни, тем более, во взводе армейцев я не числюсь. О том, что я оперативник Особой канцелярии, знать никому не положено. Во врученном мне предписании сказано, что я проводник, сопроводивший в город гонца с важным известием, а теперь просто возвращаюсь к своему каравану. Ну, за одно я ещё и охотник за головами, то есть человек вроде как при баронской службе, но в то же время и сам по себе. Никаких начальников надо мной формально нет. Мне, конечно, предписано подчиняться командиру отряда, но скорее как простому пассажиру, а не как боевой единице. Короче, сплошной туман и никакой конкретики.

Глава 2

Сводным отрядом командует целый майор из новой аристократии. Какой-то дальний родственник барона, о чем мне, слегка поморщившись, сообщил полковник Павлов. От подобных людей я всегда стараюсь держаться подальше, но в данном случае деваться мне некуда. Судя по всему, этому паркетному командиру предоставили возможность отличиться, разогнав заведомо превосходящими силами уже изрядно потрепанную банду лихих людей.

К майору я попадаю не сразу. Сначала на подходе к месту сбора отряда меня останавливает капрал из стражников.

– Проход закрыт, – загораживает он мне дорогу. – Чего надо, охотник?

– У меня предписание прибыть в точку сбора вашего отряда и поступить в распоряжение его командира майора Горского.

– Давай сюда бумагу, – протягивает руку стражник.

– Капрал, документ адресован не тебе, а командиру отряда. Вручить предписание я должен лично. Не можешь решить вопрос сам, позови непосредственного начальника.

– Может тебе еще самого майора позвать? Он прям прибежит на такое чудо посмотреть.

Ответить я не успеваю. Беспорядок на границе вверенной ему территории замечает лейтенант-стражник. Он нетороп-

ливо направляется к нам, и мой собеседник тут же вытягивается перед начальством.

– Капрал, что здесь происходит?

– Вот, господин лейтенант, этот охотник утверждает, что ему предписано явиться сюда и доложить о прибытии лично господину майору.

– Документы проверил?

– Отказывается предъявлять. Требуется позвать непосредственного начальника.

Я молчу. Рассказывать лейтенанту, что капрал нагло переврал мои слова, дело бесполезное. Чем дальше, тем больше я жалею, что полковник решил отправить меня в Александровку с этим отрядом. Лучше бы сам добрался через Змеиный лес. И быстрее, и заморочек куда меньше, и трофеев мог бы добыть для пополнения похудевшего кошелька. С моими новыми возможностями это теперь проще и безопаснее, чем раньше. Особенно если не нагнать и не лезть в места, откуда можно и не вернуться.

– Ты кто такой, охотник? – в вопросе лейтенанта я слышу легкую тень интереса. Не всякий горожанин, а уж тем более приезжий, рискнет спорить с капралом баронской стражи.

– Я молча достаю и протягиваю офицеру сначала удостоверение охотника за головами, одновременно являющееся и лицензией на огнестрельное оружие, а потом и предписание на бланке и с печатью Особой канцелярии. И я, и сержант Кротов были доставлены для доклада именно в это за-

ведение, так что наши последующие договоренности с полковником Павловым тут как бы ни при чем. Подобную бумагу канцелярия выдала бы мне в любом случае.

– А ты не так прост, как выглядишь, – задумчиво произносит лейтенант, возвращая мне документы. – Следуй за мной.

Оставив позади капрала, офицер решает удовлетворить свое любопытство.

– Я смотрю, лицензия на огнестрел у тебя первой категории. Таковую не всякий рядовой стражник имеет. За что такая честь молодому парню из деревни, только что получившему статус охотника за головами?

Про деревню это он в лицензии, похоже, прочитал. Там указано место постоянного проживания.

– Видимо, специальная комиссия сочла мои заслуги в уничтожении врагов барона достаточными для принятия такого решения, – я на ходу пожимаю плечами, демонстрируя, что дядям с большими погонами виднее, что писать в моей лицензии.

– И много ты их уничтожил?

– Точно не знаю, но доказать смог пока только пять случаев.

– Немало для новичка. Каким оружием действовал?

– Ножи, арбалеты, револьверы, снайперская винтовка, пятидесятимиллиметровый миномет, – я не вижу смысла скрывать эту информацию. Она известна уже множеству людей, так что секрета здесь никакого нет.

– Даже так? – лейтенант явно удивлен. – Похоже ты действительно успел повоевать в своей... Как там твоя деревня называется?

– Коробово.

– Вот-вот. В Коробово и ближайших окрестностях. Собственно, мы пришли. Жди здесь.

Майор соизволяет принять меня минут через десять. На мое предписание он реагирует откровенно кисло. Впрочем, в основном его, похоже, раздражает выдавшая его организация. Пренебрежительное отношение к любым тайным службам среди армейских офицеров, похоже, является чем-то вроде хорошего тона.

– И что мне с тобой делать, охотник? – глядя на меня, как на надоедливую муху, спрашивает командир сводного отряда. Вопрос, естественно, риторический, но на него неожиданно отвечает доставивший меня сюда лейтенант.

– Господин майор, разрешите я заберу Белова в свой взвод? У меня найдется для него дело. Не бесплатно же ему есть наши пайки во время похода.

Вот же инициативный какой нашелся. В мои планы совершенно не входит снова заниматься лазанием по кустам и перелескам вдоль тракта. Впрочем, это вряд ли. Отряд конный, так что пешая разведка его будет только тормозить, а всадник из меня так себе. Из седла не выпадут, но и никаких чудес верховой езды не продемонстрирую. Да и конная разведка – штука довольно специфическая, я ей не обучен.

– Забирайте его, лейтенант, – майор очень доволен столь простым решением неожиданно возникшей мелкой проблемы.

Мы идем назад сквозь уже начинающий строиться в походную колонну отряд, и лейтенант продолжает задавать вопросы.

– Я так понимаю, это именно ты провел сержанта Кротова через Змеиный лес и доставил сообщение, из-за которого нас всех поставили на уши?

– Да, всё верно.

– Что у тебя с собой из оружия?

– Помимо холодного, два револьвера и штурмовая винтовка «Вал».

– Боевые трофеи?

– Револьверы – да, а «Вал» купил здесь, в оружейной лавке.

– Интересный выбор. Автомат очень специфический и явно не для бедных. Думаю, ты сильно порадовал хозяина лавки. Вряд ли на этот ствол у него было много покупателей.

– Скорее всего, так и есть, – спорить с очевидным я не вижу смысла, – Но я ведь не просто так получил статус охотника за головами. Для моих целей как раз и нужно бесшумное и при этом достаточно мощное оружие.

– С таким стволом тебе придется охотиться на очень серьезную дичь, – задумчиво качает головой лейтенант. – Мелкими душегубами ты даже расходы на боеприпасы не ото-

бьешь.

– Возможно, – соглашаюсь я и решаю слезть с этой скользкой темы. – А чем вы хотите занять меня во время похода, господин лейтенант.

– Ничем конкретным. Просто будешь рядом со мной. В отличие от нашего командира, я не считаю, что этот поход станет для нас увеселительной прогулкой, и если что-то пойдет не так, твой специфический опыт может пригодиться, да и ещё один хороший автомат в такой ситуации точно не помешает.

– Вы ведь меня совсем не знаете, господин лейтенант. Не бойтесь, что в опасной ситуации рядом с вами будет хорошо вооруженный, но не проверенный в деле боец?

– С тобой мы действительно знакомы меньше часа, – невозмутимо отвечает лейтенант. – Зато я неплохо знаю сержанта Кротова. Если он согласился пойти с тобой в Змеиный лес, и в итоге ты довел его до города живым, значит, и я могу не ждать от тебя пули в спину.

* * *

Как ни старайся, а средняя скорость движения конного отряда при переходах на большие расстояния всё равно будет крутиться вокруг семи километров в час, а преодолеваемое за сутки расстояние вряд ли превысит пятьдесят километров. Короткий рывок можно, конечно, совершить и быстрее,

но от города до Александровки по тракту, идущему в обход Змеиного леса, около ста шестидесяти километров, и к цели мы должны выйти не измотанными форсированным маршем, а готовыми к немедленному вступлению в бой.

Как ни странно, это простое соображение с большим трудом укладывается в голову нашего отважного командира, который стремится гнать отряд вперед если и не в максимально возможном темпе, то очень близко к нему. Естественно, на середине первого же дневного перехода скорость движения резко снижается из-за усталости лошадей. Колонна растягивается по тракту, а наш небольшой обоз начинает безнадежно отставать.

Забравший меня в свой взвод лейтенант тихо матерится, но продолжает подгонять рядовых и сержантов, делая это, впрочем, без всякого энтузиазма и по большей части закрывая глаза на весьма вялую реакцию на свои приказы. В конце концов, даже до нашего майора доходит, что пора дать людям и лошадям нормально отдохнуть, и в итоге за первый день мы с трудом проходим даже стандартное для суточного перехода расстояние.

На второй день отряд выходит за пределы территории, плотно патрулируемой баронской стражей. По-хорошему, скорость движения необходимо снизить и вести тщательную разведку маршрута, иначе можно нарваться на те же проблемы, что и взвод сержанта Кротова. Использовать фугасы бандиты, похоже, любят и умеют. Вопрос, конечно, в том,

есть ли у них нужный запас взрывчатых веществ. На два фугаса хватило, но ватага лихих людей – это не армия, серьезных складов с боеприпасами у неё быть не может. Правда, полковник говорил, что кто-то бандитов щедро снабжает, так что варианты возможны разные.

Тем не менее мы продолжаем двигаться по тракту всё в том же походном порядке. Временно принявший меня взвод находится в середине колонны. Прямо за нами едет штабной фургон майора Горского в сопровождении конной охраны. Замыкающими идут обозники и армейский минометный взвод.

Расстояние, с которого я могу обнаруживать опасность, мне точно не известно. Оно может быть разным, но, как я уже успел убедиться, срабатывает эта способность только тогда, когда угроза направлена непосредственно на меня. То есть если кто-то устроит засаду с целью уничтожить наш головной дозор, я, скорее всего, ничего не почувствую. Конечно, такую тактику бандиты вряд ли применяют. Дозор им не нужен, и, если уж они решат напасть, целью станут наши главные силы. Тем не менее у меня нет уверенности, что, находясь в середине колонны, я успею вовремя обнаружить угрозу. К тому же как я подниму тревогу? Меня просто никто не станет слушать. Впрочем, забравший меня к себе лейтенант с редкой фамилией Кибрик может и выслушает, вот только быстро отреагировать на опасность колонна всё равно вряд ли сможет.

Как и приказано, я еду рядом со своим временным начальником, и он регулярно задает мне вопросы. Иногда просто интересуется жизнью в деревне, но чаще спрашивает о моем участии в отражении нападения банды на наш караван. Наверное, самое время воспользоваться его разговорчивостью. Сам я инициативу проявлять не тороплюсь, но очередной вопрос скучающего в дороге лейтенанта приходится как нельзя кстати.

– Не пробовал поставить себя на место главаря банды, охотник? – спрашивает лейтенант, чуть придержав коня, чтобы поравняться со мной. – Как бы ты сам действовал, зная, что к стражникам и караванщикам, засевшим в Александровке, может прийти помощь из города?

– Думаете, лихие люди об этом знают? О нашем с сержантом Кротовым походе в город через Змеиный лес осведомлены всего несколько человек. Ещё полтора десятка в курсе, что мы переправились через реку, но куда мы направляемся, им никто не сказал.

– Сделать нужные выводы не так уж сложно, – пожимает плечами лейтенант, – а среди местных наверняка есть те, кто так или иначе связан с бандитами. К тому же бесследное исчезновение взвода стражников не может остаться незамеченным. Правда, времени с момента их попадания в засаду прошло еще не так много, но предполагать, что со стороны города может появиться ещё один отряд, главарь банды просто обязан.

– Ну, в таком случае, я бы отправил в сторону города одного или даже двух дозорных на хороших лошадях. Если засечь в удобном месте, нашу колонну можно обнаружить издалека. Движемся мы не так уж быстро, так что главарь банды узнает о нашем приближении заблаговременно. Ну а дальше ему предстоит принять решение – либо уходить, либо устраивать на нас очередную засаду. Последнее, мягко говоря, рискованно, а результат далеко не очевиден. Но это если с нашего ухода из Александровки ничего не изменилось. Мы ведь ничего не знаем о том, что произошло в последние дни. Может, деревня уже захвачена и разграблена, а может, бандиты подумали немного и, тщательно взвесив свои шансы, просто растворились в окрестных перелесках.

– Не верю я, что бандиты смогли так быстро взять Александровку, – качает головой лейтенант. – Подготовка штурма требует времени и тщательного планирования. Не факт, что лихим людям такая операция вообще под силу. Но и в то, что они просто уйдут, тоже верится слабо. Ты же говорил, что вас пытались задержать на тракте. Значит готовили нападение. Вряд ли главарь банды откажется от своих намерений.

– Нападение на караван – это не то же самое, что штурм деревни. Александровке, конечно, далеко до крепости, но чем встретить лихих людей, там найдется.

– Возможно. И всё же допустим, что они на это решатся. Как бы ты организовал штурм?

Хороший вопрос. Ставить себя на место главаря банды я не пробовал, а ведь, наверное, стоило.

– Сама по себе Александровка лихим людям не нужна, – начинаю я рассуждать вслух. Нет, пограбить они всегда рады, вот только не ценой собственной жизни. Рисковать бандиты, конечно, готовы, а вот на верную смерть идти не захотят. И главарь, и рядовые члены банды наверняка понимают, что попытка полного захвата деревни для большинства из них именно смертью и закончится. Поэтому на месте их предводителя я бы не ставил перед ватагой такую задачу. Ну, если, конечно, он не желает получить пулю в спину от своих же поделльников.

– И какие у него варианты?

– Рейд, – отвечаю я, удивляясь тому, что такая простая мысль не пришла мне в голову раньше. – Главная цель бандитов – освободить одного из своих главарей, взятого нами в плен. Возможно, есть и вторая цель – добыть некую вещь, ради захвата которой они планировали нападение на наш караван. Но это не точно. Нельзя исключать, что лихие люди просто хотели ограбить идущих в город торговцев. Тем не менее короткий рейд внутрь деревни с освобождением пленного и быстрым захватом всего ценного, что попадет под руку, представляется мне вполне реальным планом при тех силах, которыми располагают лихие люди.

– А подробнее? – похоже, мои рассуждения заставляют лейтенанта задуматься.

– Отвлекающая атака, имитирующая попытку полноценного штурма. Под её прикрытием в деревню проникнет небольшой отряд из лучших бойцов банды. При этом я не исключаю, что лихие люди воспользуются помощью предателей из местных. Я с таким приемом уже как-то сталкивался. И, кстати, в этом случае бандиты могут получить достоверную информацию о том, где содержится пленник и где находятся командиры обороняющихся. Этот внезапный удар имеет все шансы достичь цели, а попутно и внести хаос и панику в ряды обороняющихся. Последнее поможет бандитам беспрепятственно покинуть деревню вместе со своим освобожденным поделельником. Ну и по возможности прихватить с собой какую-то ценную добычу.

– Нехорошая перспектива, – мрачнеет лейтенант. – И, похоже, вполне реальная, но будем надеяться, что ваш старший караванщик и староста Александровки примут меры на случай подобного развития событий.

– Один из них хороший торговец, другой, возможно, неплохой администратор. Боевые действия не являются сильной стороной ни того, ни другого. Это скорее дело шерифа Александровки, но о нем я ничего не знаю.

– Да, тут остается только гадать.

– Либо выслать к Александровке разведку.

– Наш командир считает это излишним, – на лице лейтенанта Кибрика появляется кислое выражение. – Он утверждает, что риск перехвата и уничтожения разведчиков слиш-

КОМ велик.

Я не знаю, какая муха и за какое место меня кусает, но следующая фраза как будто сама срывается с моего языка:

– А если в разведку отправлюсь я? Кое-какой опыт в этом деле у меня имеется, а господину майору не придется рисковать вверенными ему людьми, я ведь не числюсь в штате отряда.

– Зачем тебе это, Белов? – в голосе лейтенанта звучит искреннее непонимание. – Риск ведь действительно более чем велик, а что ты получишь в случае успеха? По карьерной лестнице не продвинешься, ты ведь не служишь в войсках или страже. Премии тебе майор, конечно, выпишет, но вряд ли она будет большой. А вот голову сложить на подходе к Александровке ты можешь очень даже запросто.

– В Александровке остались люди, которые мне далеко не безразличны. Кроме того, я до сих пор числюсь в штате охраны нашего каравана, и тихо отсиживаться в стороне, когда ему грозит опасность, будет прямым нарушением моего контракта.

Я не знаю, что толкает меня по собственной воле совать голову тигру в пасть, но почему-то я уверен, что оставшись с отрядом майора Горского, я подвергну себя куда большему риску, чем если буду действовать самостоятельно. Впрочем, и судьба нашего каравана мне тоже не безразлична. Игнат, Антон, да и другие бойцы из Динино, отнеслись ко мне совсем не так, как большинство моих дорогих односельчан,

и мне бы искренне не хотелось, чтобы они погибли от рук бандитов.

– Странный ты, Белов, – задумчиво качает головой лейтенант. – Никто не посмеет упрекнуть тебя в бездействии после того, как ты провел сержанта Кротова через Змеиный лес. Вы ведь чуть не погибли, доставляя в город сообщение о нападении на ваш караван и об угрозе, нависшей над Александровкой.

– Может и так, господин лейтенант, но я всё же прошу вас поставить в известность командира отряда о моей готовности выступить в роли разведчика.

* * *

Коня мне выделили хорошего, и сейчас он ровно бежит бодрой рысью, быстро увеличивая отрыв от отряда майора Горского. Вещей у меня с собой самый минимум, а ночевать предстоит не в хорошо организованном военном лагере, а в сыром и холодном лесу, где уже отчетливо ощущается быстрое приближение зимы. Ночных заморозков пока ждать не стоит, но пройдет еще неделя-другая и из серых туч начнет срываться первый снег, да и сейчас уже, мягко говоря, не слишком жарко.

Относительным комфортом приходится жертвовать ради скорости. Каждый лишний килограмм снижает мою мобильность, так что от многого приходится отказаться. Я очень

спешу. Что-то мне подсказывает, что любое промедление может привести к тому, что дальше торопиться будет уже некуда.

Докладывать майору о результатах разведки я могу двумя способами. При обнаружении чего-то важного я либо быстро возвращаюсь к отряду, если информацию необходимо доставить как можно быстрее, либо рисую на любом растущем рядом с трактом дереве приметный знак и закапываю на некотором расстоянии от него капсулу с запиской. Как вычислить точное место для тайника, естественно, оговорено заранее. Для нанесения знаков у меня в рюкзаке лежит небольшая баночка с белой краской. Возвращаться к отряду я должен только при обнаружении засады или иной столь же серьезной угрозы, нейтрализовать которую самостоятельно я заведомо не смогу. В остальных случаях мне разрешено действовать по собственному усмотрению.

Еду быстро, полностью полагаясь на свое чувство опасности. Периодически делаю полчасовые привалы, чтобы напоить и накормить коня. Езда верхом на большие расстояния – непривычное для меня занятие, но меня неплохо проинструктировали что и как делать.

До вечера не происходит вообще ничего. Тракт будто вымер. Ни караванов, ни крестьянских повозок, ни одиночных всадников, ни почтовых дилижансов. Я не знаю, как так получается, но информация о появлении в том или ином районе крупной банды, как правило, распространяется по окрест-

ным селениям очень быстро. Чувство опасности молчит. Амулет и шар тайкунов тоже никак себя не проявляют, но какое-то напряжение в воздухе висит, это определено.

Не могу сказать, что ночевка в сыром и холодном лесу приносит мне радость. Нормально выспаться в таких условиях та ещё задачка, но соответствующий опыт у меня имеется, и часов пять поспать мне всё же удастся. Конечно, можно было остановиться в деревне, которую я проехал за пару часов до наступления темноты, но это привело бы к потере времени, а его у меня и так мало.

Вновь вывожу коня на тракт примерно за два часа до рассвета. Если бы не амулет, позволяющий видеть в темноте, я бы на движение ночью, наверное, не решился, а так вроде бы всё складывается вполне удачно. У меня есть преимущество, и было бы глупо его не использовать. Мой конь тоже не испытывает от темноты больших проблем. Лошади вообще неплохо ориентируются в условиях низкой освещенности. Я где-то читал, что у них в глазах есть некая светоотражающая мембрана, позволяющая им видеть ночью не хуже собак и уж точно лучше людей.

Первые признаки того, что впереди меня ждут проблемы, появляются почти сразу после первого привала. Чувство опасности начинает недовольно шевелиться, и, как ни странно, я воспринимаю это с немалым облегчением. Если поторопиться и нигде не задерживаться в пути, то к ночи у меня есть все шансы прибыть в Александровку. По всем мо-

им прикидкам, неприятные сюрпризы должны были начаться уже примерно час назад, но тракт как был мертвым и пустым, так и оставался. Это могло означать три вещи. Либо бандиты вообще не озаботились проблемой возможного подхода подкрепления к гарнизону Александровки, во что поверить очень сложно, либо они не решились на штурм и ушли, что тоже маловероятно, либо лихие люди уже достигли своей цели и сняли дозоры. И вот этот последний вариант более всего не давал мне покоя. Теперь же я, похоже, получил подтверждение, что бандиты Александровку ещё не разграбили.

Впереди, метрах в двухстах, тракт переваливает через седловину между двумя холмами, и я не вижу, что находится за ней. Думается мне, чувство опасности активировалось не просто так, а значит, появляться в верхней точке, за которой дорога начинает спускаться в очередную низину, мне однозначно не следует. Оттуда всадника будет отлично видно за многие сотни метров, а афишировать свое присутствие в этих местах я пока не планирую.

Спешиваюсь и увожу коня в ближайший перелесок. Для привала пока ещё рано, но пусть животное порадуетсь неожиданному отдыху и небольшой внеплановой кормежке. На вершину правого холма я поднимаюсь пешком. Здесь нет деревьев, но клочками растут сбросившие листья кусты. Для наблюдения точка оказывается очень удобной. Тракт отсюда просматривается километра на полтора. С седловины между холмами, на одном из которых я сейчас нахожусь, он

плавно спускается вниз, пересекает то ли крупный ручей, то ли небольшую речку, протекающую под дорогой через две толстые бетонные трубы, и потом поднимается на очередную возвышенность, в которой строители шоссе много лет назад прокопали проход, уменьшив крутизну подъема и фактически развалив холм надвое.

Место это мне совсем не нравится. Для серьезной засады оно не очень подходит – слишком голая вокруг местность, но это не значит, что крупному отряду, быстро движущемуся по шоссе, здесь нельзя устроить какую-нибудь очень неприятную пакость.

Идти вперед я не тороплюсь. У меня нет ни бинокля, ни оптического прицела, но я надеюсь, что они мне и не понадобятся. Захваченный мной лазутчик использовал в качестве прибора наблюдения шар тайкунов, и, пожалуй, пришло время и мне попробовать освоить эту функцию трофейного артефакта. Я видел, как шпион с ним работал, но сам пользоваться шаром для таких целей пока не пробовал – на вдумчивые эксперименты просто не было ни времени, ни возможности.

Насколько я помню, шпион при работе с шаром держал его обеими руками и не двигался. По крайней мере, он останавливался и стоял на месте. Снимаю рюкзак и аккуратно достаю из него трофейный конструкт. Шар послушно отзывается на мое прикосновение легкой вибрацией, будто демонстрируя хозяину готовность к работе. Держу его пока в од-

ной руке. Слепо копировать действия лазутчика я не хочу. Конструкт тайкунов, похоже, не был на него правильно настроен, так что то, как он им пользовался, могло быть лишь вынужденной мерой, позволявшей ему хоть как-то взаимодействовать с артефактом. Нет, если по-другому не получится, я, безусловно, попробую повторить его действия, но этого, конечно, не хотелось бы, уж очень неуклюже выглядели попытки лазутчика добиться от шара тайкунов нужного результата.

Как использовать конструкт в качестве средства наблюдения, я не имею ни малейшего понятия. Предположить можно несколько вариантов, и пробовать их, видимо, придется просто методом научного тыка. Выбираю для начала самый простой и очевидный способ. Вытягиваю руку с шаром в сторону бетонных труб, через которые под шоссе протекает ручей, и начинаю усиленно в них всматриваться. Результат нулевой, если не считать того, что конструкт начинает недовольно вибрировать. Именно недовольно, а не как-то иначе. В сжимающей его ладони возникают неприятные ощущения.

Я перестаю сосредоточенно вглядываться в бетонные трубы, и неприятная вибрация сразу исчезает. Что я делаю неправильно? Первая мысль проста – лазутчик бандитов прав, и работать с шаром нужно двумя руками. Идея, конечно, очевидная, но, как мне кажется, я испробовал ещё не все возможности. Внимательно осматриваю конструкт. Артефакт реально сложный. Я не сомневаюсь, что каждый

элемент, выполненный из темного дерева или светлого камня, занимает свое место далеко не случайно, да и сетчатый узор из красных кристаллических вставок тоже, несомненно, создан не для красоты. Функции, которые способен выполнять шар, наверняка весьма разнообразны и, возможно, каждая из них требует контакта руки хозяина с определенным набором элементов.

Размышляя над этим, я продолжаю держать артефакт в руке. Пара минут раздумий приводит меня лишь к мысли повторить неудачный эксперимент, но в несколько иных условиях. Я больше не вытягиваю руку с шаром к точке, которую хочу рассмотреть в деталях, а держу констукт перед собой, чтобы одновременно вглядываться в бетонные трубы в полукилometре от моего наблюдательного пункта и видеть, что происходит с шаром.

Ладонь вновь пронзают неприятные фантомные вибрации, а на поверхности шара начинают неярко светиться кристаллические вставки, обрамляющие два небольших участка поверхности. Я меняю положение пальцев, касаясь подсвеченных элементов, и повторяю эксперимент. Шар снова недоволен. На этот раз он подсвечивает другие точки, и я отмечаю для себя, что в прошлый раз моя рука их касалась. Прикинув расстояние между подсвеченными участками, я наконец располагаю пальцы так, чтобы их подушечки накрывали все четыре необходимых элемента. Держать шар таким образом оказывается неожиданно удобно.

Вновь начинаю всматриваться в пересечение тракта и ручья. Неприятной вибрации, к появлению которой я уже подсознательно готов, не возникает, зато с окружающим пространством, а может, с моим зрением, происходит что-то странное. Бетонные трубы, пропускающие через себя воды ручья, неожиданно придвигаются ко мне почти вплотную. Я вижу мельчайшие трещины на тех их частях, которые не закрыты травой и грязью. Участок тракта, идущий поверх труб, тоже предстает передо мной во всех деталях, но при этом я не перестаю видеть и то, что происходит рядом со мной. На боковое зрение эффект приближения, похоже, не распространяется. Выглядит это так, будто пространство выгибается в мою сторону, придвигая ближе ко мне тот участок местности, который я хочу подробно рассмотреть. Очень непривычно, но, пожалуй, шар работает лучше любого бинокля, по крайней мере, из тех, в которые мне доводилось смотреть.

При этом в режиме наблюдения конструктор прекрасно работает, когда я держу его одной рукой. Видимо, лазутчик бандитов не смог разобраться в том, как именно нужно с ним обращаться, или шар просто не готов был выполнять некоторые его команды. Думается мне, шпион держал артефакт двумя руками, чтобы накрыть ладонями одновременно максимум элементов, из которых состоит его поверхность. Не удивлюсь, если по-другому конструктор просто не желал функционировать нужным ему образом.

Я продолжаю эксперимент и, не выходя из режима наблюдения, начинаю медленно и аккуратно перемещаться. Эффект приближения выбранного мной участка местности никуда не исчезает, и это хорошо. У меня, в отличие от бывшего владельца шара, артефакт прекрасно работает в движении, что, несомненно, дает мне ряд дополнительных преимуществ.

В кустах на берегу ручья я замечаю небольшое мерцающее пятно. Похоже, какой-то мелкий зверек. Сам по себе он меня не интересует, но то, что инфракрасное зрение работает и в режиме приближения, не может не радовать. Пожалуй, самое время перейти от экспериментов к практическому применению нового навыка. Чувство опасности продолжает методично вкручивать невидимые шурупы в мой мозг, и с этим пора что-то делать.

Перевожу взгляд на разрезанный трактом холм в полутора километрах впереди. Пространство послушно изгибается, визуально придвигая ко мне область, на которой я фокусирую взгляд. Гребни крутых склонов, поднимающихся справа и слева от дороги, выглядят просто идеальными местами для наблюдателей. Там и деревца какие-то растут, и кусты достаточно густые имеются, и тракт оттуда просматривается очень неплохо. Если бы я проехал по дороге ещё пару сотен метров, меня бы непременно заметили.

Мерцающее тепловое пятно сразу бросается в глаза. Оно находится именно там, где я и сам расположил бы наблю-

дательный пункт. В том, что там прячется человек, а не какой-нибудь достаточно крупный зверь, сомневаться не приходится. Нечего там зверю делать, не бывает таких совпадений.

Наблюдателя лихих людей хотелось бы взять живым. Не думаю, что он многое знает о планах главаря банды, но что-то полезное наверняка рассказать сможет, а мне сейчас любая информация пригодится.

Внимательно осматриваю лежащую передо мной местность, выбирая маршрут. Чтобы добраться до точки, где засел наблюдатель, мне предстоит сделать изрядный крюк и где-то переправиться через ручей, причем желательно без водных процедур. Закаливание – это, конечно, полезно, но купание в, мягко говоря, прохладной водичке вряд ли доставит мне большое удовольствие.

Несмотря на довольно открытую местность, незаметно перемещаться по ней вполне можно. Для большого отряда это было бы весьма затруднительно, но я-то один, и к тому же неплохо знаю, как выполняются подобные трюки. Можно, конечно, попытаться активировать маскировочную сферу шара тайкунов, но на это потребуется ещё некоторое время, а я отчетливо понимаю, что у меня его и так слишком мало. Кроме того, неизвестно, насколько надежной окажется такая маскировка, если я буду активно перемещаться, так что разобраться с этой функцией трофейного конструкта я решаю позже, а пока придется действовать привычными ме-

тодами.

До ручья добираюсь довольно быстро. Наблюдатель пока далеко, и его внимание наверняка сосредоточено в основном на тракте, так что двигаюсь я осторожно, но достаточно бодро. Место, где ручей сужается, зажатый между двумя крупными валунами, мне удалось рассмотреть ещё при планировании маршрута. Вода струится между камнями быстрым и довольно шумным потоком, но зато берега разделяет всего метра полтора, так что преодоление водной преграды не вызывает у меня особых проблем. Хорошо, что сейчас не весна. Судя по диаметру бетонных труб, через которые местная речушка протекает под бывшим шоссе, во время таяния снега она бывает гораздо более полноводной, чем сейчас.

Дальше иду уже заметно осторожнее. Местность начинает постепенно подниматься. Становится суше, и между группами кустов, иногда разбавленных отдельными невысокими деревьями, появляются довольно большие разрывы. Пока это не слишком критично. Кое-где, правда, приходится перемещаться ползком, так что скорость моего продвижения к цели резко снижается. Мое преимущество в том, что я, как обычно, подбираюсь к позиции противника с направления, откуда он вряд ли ждет опасности. В таких ситуациях я никогда не ленюсь пройти или проползти несколько лишних сотен метров, но при этом выйти к врагу с неожиданной стороны.

Этот прием я применял уже не раз, и он никогда не подводил, однако сегодня меня ждет неожиданный и не сказать, что приятный сюрприз. Наблюдатель оказывается не один. К разрезанному трактом холму я выхожу сбоку, приближаясь к нему перпендикулярно дороге, и отсюда мне видно, что происходит на его обратном скате, ранее недоступном моему взгляду.

Бандиты устроились здесь с относительным комфортом. В довольно густом кустарнике, разросшемся в сотне метров от дороги, у них даже стоит небольшая хорошо замаскированная палатка. Недалеко от нее я вижу четырех лошадей. Место для них выбрано с умом. Отсюда удобно уходить как в сторону тракта, так и в заросшие кустарником поля и перелески, простирающиеся отсюда до самого горизонта.

Логично было бы предположить, что лихие люди, устроившие здесь наблюдательный пункт, дежурят посменно, отдыхая по очереди в палатке, однако сейчас она пуста, а трое бандитов заняты делом. Наблюдатель тихо сидит на своем посту, а ещё двое с чем-то сосредоточенно возятся у дороги почти на вершине холма.

План приходится менять на ходу. Приготовления бандитов мне категорически не нравятся, для начала, я решаю выяснить, где находится их четвертый подельник, но более внимательный осмотр места, где привязаны лошади, показывает, что мои противники приехали сюда втроем. Я вижу только три седла, а четвертая лошадь, видимо, везла какой-то до-

вольно тяжелый груз, и не нужно быть великим интеллектуалом, чтобы предположить, какой именно.

Для того, чтобы рассмотреть, чем заняты бандиты у дороги, я вынужден еще раз сменить позицию. Теперь я нахожусь практически в тылу у наблюдателя, и могу видеть весь обратный склон холма и приличный участок тракта, идущий к нему от Александровки. Как и ожидалось, двое лихих людей закладывают в склон холма фугас. Вернее, основную работу они уже сделали и теперь тщательно маскируют следы своей деятельности.

Место для фугаса выбрано очень толково. Поднявшись по тракту на холм, отряд майора Горского окажется в рукотворном ущелье, с поднимающимися с обеих сторон не очень высокими, но довольно крутыми, склонами. Бомба заложена всего на метр ниже гребня северного склона, причем сделано это таким образом, чтобы при взрыве поражающие элементы летели вниз, на тракт, накрывая большую площадь и превращая зажатую склонами дорогу в смертельную ловушку.

Идея главаря бандитов понятна. Отвлекать большие силы на крупную засаду он не хочет, они ему для операции в Александровке понадобятся. Тем не менее как-то остановить или сильно задержать отряд баронской стражи, возможно уже спешащий из города, ему всё же необходимо. При этом полностью уничтожить отряд совершенно не обязательно. Достаточно нанести серьезный ущерб и заставить

его командира думать не столько о поставленной ему задаче, сколько о том, что делать с многочисленными убитыми и ранеными.

Обстоятельства фактически не оставляют мне выбора. На то, чтобы возвращаться к отряду с докладом у меня нет времени. Меня не покидает уверенность, что если сегодня к ночи, я не доберусь до Александровки, там произойдет что-то совершенно непоправимое. Конечно, можно оставить за пару километров до этой засады знак на дереве и тайник с запиской, но это слишком большой риск. Знак могут случайно заметить не только люди майора Горского, но и бандиты. Что они сделают в этом случае, предсказать сложно, однако место закладки фугаса лихие люди поменять могут, а это чревато очень тяжелыми последствиями.

Значит наблюдателя и саперов мне придется ликвидировать, и тянуть с этим однозначно не следует. Начать я решаю с наблюдателя. Он один и сидит практически неподвижно. Упасть и с шумом скатиться по склону, он, в отличие от саперов, не может, так что есть шанс всё сделать тихо. Подбираться к бандиту на дистанцию уверенного броска стального шарика необходимости теперь нет. «Вал» должен справиться с его нейтрализацией куда эффективнее.

Возвращаюсь практически по своим следам. Получается это быстрее, потому что маршрут уже отработан. Вот он, наблюдатель бандитов, удобно устроился на упавшем дереве. За трактом он следит в небольшой бинокль, впрочем, не осо-

бо утруждая себя этим занятием, поскольку пропустить появление в седловине между холмами сначала головного дозора, а потом и большого конного отряда довольно сложно. Пока они проедут полтора километра, можно очень многое успеть – и фугас привести в боевую готовность, и гонца к главарю отправить, и подготовиться к экстренному отступлению после приведения бомбы в действие.

Дистанция чуть меньше пятидесяти метров. Стрелок из меня всё ещё так себе, но с такого расстояния из «Вала» я не промахнусь. Перевожу автомат в режим одиночной стрельбы. Главное для меня, чтобы наблюдатель не успел подать сигнал своим поделщикам, поэтому целюсь бандиту в висок.

Полной тишины вокруг нет. Ветер шумит в ветвях кустов и деревьев, в небе иногда перекликаются птицы, какие-то невнятные звуки издают бандиты, заканчивающие работу с фугасом. Выстрел почти полностью сливается с этим фоном. Точности мне всё-таки не хватает, и вместо виска девятимиллиметровая пуля бьет наблюдателя чуть выше уха. Враг дергается, резко выпрямляя спину, и бессильно сползает с бревна, на котором только что сидел. Бинобль вываливается из его руки и бесшумно падает на ковер из сырых прелых листьев. Минус один.

С минерами я решаю применить немного другую тактику. Одного из них неплохо бы оставить в живых для беседы. Бандиты уже практически закончили маскировку места

установки фугаса и сейчас тщательно забрасывают листвой протянутые от него провода. Видимо, возможность отправки сюда стражниками пешей разведки лихие люди всё-таки учитывают, и делают всё, чтобы бомба даже в этом случае не была обнаружена.

Провода протянуты куда-то вниз по склону. Видимо, планируется, что подрывник приведет фугас в действие, когда основные силы отряда появятся в верхней точке разрезающего холм тракта, после чего быстро отступит куда-то в ближайшие заросли, где его будет ждать лошадь. Минеры медленно продвигаются вниз по склону, неспешно продолжая делать свою работу. Чего-то ждать дальше нет смысла, и я начинаю действовать. «Вал» слегка дергается в моих руках, почти бесшумно отправляя к цели девятимиллиметровую пулю. Идущий чуть позади бандит спотыкается и валится вперед на своего подельника. Мой последний противник, совершенно не ожидавший такого поворота, делает шаг в сторону, подхватывая падающего товарища, и упирается взглядом в зрачок ствола моего автомата.

– Ты ему уже не поможешь, – киваю я на тело получившего пулю в затылок бандита. – Сейчас медленно его отпускаешь и делаешь пять шагов вправо. Потом ложишься на землю лицом вниз и кладешь руки на затылок.

Противник ошеломлен и деморализован. По крайней мере, так это выглядит на первый взгляд. Он даже начинает выполнять мой приказ, чуть наклоняясь, чтобы положить

на землю своего поделщика, и в этот момент чувство опасности вонзает мне в мозг раскаленный гвоздь.

Как в руке бандита оказывается револьвер, я не успеваю даже заметить, но мой организм рефлекторно реагирует на внезапно возникшую угрозу единственно верным образом – жмет на спусковой крючок автомата. Хороший стрелок, наверное, смог бы попасть в сжимающую револьвер руку противника, но по поводу своих стрелковых талантов я иллюзий не строю, так что пуля бьет бандита в грудь, отбрасывая его назад.

Увы, моему плану с захватом пленного реализоваться явно не суждено. Когда я подхожу к лежащему на спине врагу, он ещё жив и даже пытается что-то хрипеть, но добиться от него чего-то внятного уже невозможно, да и жить ему остаются считанные минуты.

Быстро проверяю тела, и стаскиваю их к месту закладки фугаса, но так, чтобы с тракта их видно не было. Бегу вдоль тянувшихся от бомбы проводов и обнаруживаю место, откуда лихие люди планировали привести её в действие. Там уже установлена взрывная машинка, но провода к ней ещё не подключены. На всякий случай трачу ещё один патрон, разбивая пулей подрывное устройство. Трогать сам фугас я не рискую, но провода обрезаю в нескольких местах, сматываю пару изрядных кусков и забрасываю подальше в кусты. Возможно, я перестраховываюсь, вот только на кону жизни десятков людей, так что лишние пять минут на такое дело

можно и пожертвовать.

Бегом возвращаюсь назад к привязанному в перелеске коню. Извлекаю из рюкзака баночку с краской, карандаш и бумагу. На нанесение знака на приметном дереве и организацию тайника уходит ещё минут двадцать, большинство из которых занимает написание записки с указанием точного места закладки фугаса. Надеюсь, у майора Горского найдутся специалисты по обезвреживанию таких устройств. На всякий случай указываю в записке, что бомба может быть с сюрпризом, подрывающим её при попытке извлечения. Вряд ли, конечно, бандиты стали заморачиваться с такими хитростями, но мало ли... В конце, для поддержания образа охотника за головами, прошу опознать тела убитых мной бандитов и в случае, если за их головы назначена награда, засвидетельствовать факт ликвидации.

Времени на нейтрализацию засады потеряно немало, и теперь мне нужно сильно торопиться. Забираю себе одного из коней лихих людей. Теперь я могу их периодически менять, поочередно давая им отдых и возможность скакать без всадника. Надеюсь, что это увеличит скорость моего продвижения к цели.

Ещё один дозор лихих людей встречается мне уже почти в темноте, когда до Александровки остается всего километров десять. На этот раз наблюдателей двое, и, вопреки моим опасениям, ещё одного фугаса здесь нет. Ночь – мое время, так что этот пост мне удастся ликвидировать довольно

быстро. На этот раз одного из противников даже получается взять живым, но толку с него оказывается немного, он почти ничего не знает, за исключением того, что атака на Александровку запланирована на эту ночь. Что ж, теперь я хотя бы точно знаю, что спешил не зря. А ещё я узнаю кличку главаря бандитов. Лихие люди называют его Скромом.

Захваченному бандиту, которому за информацию была обещана жизнь, достаётся по голове рукояткой револьвера, после чего я привязываю его к дереву, растущему прямо на обочине тракта. Головной дозор отряда стражников просто не сможет его не заметить. Тело второго дозорного я кладу рядом с привязанным пленным и засовываю в карман его куртки записку для майора Горского. Её содержание похоже на концовку моего предыдущего сообщения, я всё ещё честно отыгрываю роль охотника за головами.

Продолжаю движение в максимально возможном темпе, и километров через пять понимаю, что всё-таки опоздал к началу главных событий этой ночи. Впереди над горизонтом отчетливо различается зарево пожара, а вскоре становятся слышны и звуки выстрелов. Иногда доносятся резкие хлопки взрывов. Видимо, дополнительные боеприпасы к миномету у лихих людей всё же нашлись.

Местность вокруг Александровки я помню хорошо и знаю холм, с которого открывается неплохой вид на деревню. Надеюсь, что он позволит мне хотя бы приблизительно оценить обстановку. Я ведь одиночка, а не отряд хорошо вооружен-

ной баронской стражи, усиленный армейскими минометчиками. Бросаться в лобовую атаку, рассчитывая на эффект внезапности и огневую мощь – это не ко мне.

Коней оставляю у подножия возвышенности, а сам поднимаюсь на холм. Для лучшего обзора приходится влезть на довольно высокую сосну, изрядно перепачкавшись в смоле. Нельзя сказать, что Александровка вся охвачена пожарами, но несколько домов пылают уже так, что потушить их вряд ли получится, даже если бой прекратится прямо сейчас, а он явно не прекратится.

Наиболее интенсивно лихие люди атакуют деревню со стороны реки Черная. Именно оттуда бьет их миномет, забрасывая мины за высокий частокол, сложенный из толстых бревен и оборудованный помостом для размещения стрелков. Кое-где стена уже повреждена, но, судя по всему, идти на решительный штурм бандиты не спешат, ограничиваясь пока интенсивным обстрелом позиций защитников.

Внимательно осматриваю другие участки местности, прилегающие к частоколу, и убеждаюсь, что, как я и предполагал, бандиты готовятся незаметно проникнуть в деревню под прикрытием штурма, имитируемого основными силами банды. Вот только мои предположения, высказанные лейтенанту Кибрику, оказываются несколько неточными. План главаря лихих людей предусматривает не одну диверсионную группу, а сразу три. Должны ли они в дальнейшем соединиться, или у каждой из них своя задача, я не знаю, но в

данный момент три отряда по восемь человек в каждом осторожно приближаются к разным участкам частокола, расположенным достаточно далеко друг от друга. Объединяет их только то, что они находятся на противоположной окраине деревни относительно места, где лихие люди сейчас якобы идут на штурм.

Пожары в Александровке разгораются, а вместе с ними растет и паника среди населения. Пока милиция, немногочисленные стражники и поспешно сформированное ополчение пытаются не допустить прорыва частокола, следить за порядком в деревне некому, и она быстро погружается в хаос. Лучшего момента для стремительного рейда диверсионных групп, пожалуй, не будет. Через какое-то время защитники поймут, что со штурмом что-то не так, и тогда их тактика может измениться. Главарь банды это понимает, и командиры вышедших на исходную позицию отрядов получают приказ перейти к активным действиям.

Местный шериф, похоже, плохо контролирует ситуацию в деревне. Во всяком случае, криминальные элементы, прикидывающиеся добропорядочными гражданами, но ведущие дела с лихими людьми, чувствуют себя в его зоне ответственности очень вольготно, и хорошо если не им же и крышуются за долю малую. О том, что такие люди при первой же возможности без колебаний превратятся в предателей, александровский блюститель порядка, судя по всему, никогда не задумывался.

Трем отрядам лихих людей помогают изнутри. Сквозь частокол они проходят, как через дыру в заборе соседского огорода, и я понимаю, что тянуть больше нельзя. Если я хочу хоть как-то повлиять на то, что вот-вот должно произойти, пора начинать действовать, причем чем быстрее и наглее, тем лучше.

Бегу вниз с холма. Амулет обеспечивает мне ночное зрение, и никаких затруднений с ориентированием в темноте я не испытываю. До ближайшего места, где один из отрядов лихих людей проник в деревню, не так уж далеко. Без надзора бандиты проход в частоколе не оставили. Шестеро из них ушли внутрь поселения, а двое остались охранять путь отхода, которым диверсионной группе предстоит воспользоваться после выполнения задачи. План у бандитов, конечно, неплох, вот только он не предусматривает появления на сцене бойца противника, прекрасно видящего в темноте и вооруженного бесшумным автоматическим оружием.

Перед частоколом, как и положено, имеется пустое пространство, тщательно расчищенное от растительности. Днем преодолеть его незаметно практически невозможно, но сейчас ночь, а за спиной у оставшихся на страже бандитов ярко пылают пожары, не давая их глазам хоть как-то адаптироваться к темноте.

Меня они замечают только когда я оказываюсь в десяти шагах от них. Человека, появившегося с внешней стороны частокола и уверенно идущего к проделанному в нем прохо-

ду, бандиты сначала принимают за своего, и это становится их последней ошибкой. «Вал» дважды дергается в моих руках, обеспечивая мне беспрепятственный доступ в Александровку. Тела убитых лихих людей я оттаскиваю за угол ближайшего дома, чтобы раньше времени не насторожить бандитов, если ещё кто-то из них решит воспользоваться этим проходом.

В том, что диверсионная группа направится куда-то в центр деревни, я не сомневаюсь, поэтому с направлением дальнейшего движения у меня вопросов не возникает. Отряд лихих людей я нагоняю через пару минут и обнаруживаю, что их уже не шестеро. Похоже, к бандитам присоединился проводник из местных, и сейчас он ведет их к какой-то цели, которой может оказаться что угодно – штаб обороны, тюрьма, где почти наверняка содержат ценного пленника, или дом лавочника, в котором можно надеяться найти что-то ценное. Следить за бандитами и ждать, когда они начнут воплощать в жизнь свой план, я не собираюсь. Дорогуших патронов безумно жалко, но одиночными выстрелами при таком количестве врагов мне не обойтись. Перевожу «Вал» в режим автоматического огня, ещё немного сокращаю дистанцию и накрываю осторожно продвигающихся вперед диверсантов ливнем девятимиллиметровых пуль.

Автомат издает сухой щелчок, извещая меня о том, что магазин пуст, но стрелять мне больше не в кого. Один из рейдовых отрядов напавшей на деревню банды бесславно пре-

кращает свое существование. Пока мне везет, но я не сомневаюсь, что это не может продолжаться вечно. Где-то не очень далеко от меня по параллельным улицам сейчас приближаются к центру ещё две группы бандитов, и разобраться с ними будет уже далеко не так просто, ведь их, для начала, ещё нужно найти. Впрочем, скорее всего, с этим проблем не будет, диверсанты обнаружат себя сами.

Меняю магазин и продолжаю продвигаться к центру. Навстречу мне постоянно попадаются какие-то безоружные люди. Меня они замечают только почти в упор и резко шаркаются в стороны. Кто-то пытается тушить пожары, но таких немного. Остальные просто носятся по деревне без видимой цели, поддавшись общей панике. Ни стражников, ни людей шерифа не видно, и только с южной окраины Александровки продолжают доноситься редкие взрывы и интенсивная винтовочная и ружейная стрельба.

Деревню всё гуще заволакивает дымом. Пожаров, к слову, что-то многовато, и вряд ли все они вызваны минометным обстрелом. Вполне возможно, это поджоги, совершенные всё теми же криминальными элементами, оказавшими диверсантам помощь в проникновении в деревню.

Я уже рядом с центром, и, судя по всему, вскоре неизбежно столкнусь с диверсантами бандитов, идущими в этом же направлении. Подтверждая мои предположения, на соседней улице вспыхивает перестрелка. Всю Александровку, я, конечно, не знаю, но эти места мне знакомы по предыдущим

му визиту. Стрельба, похоже, началась в той самой таверне, где мы ночевали перед неудачной попыткой продолжить путь в город.

От небольшой площади, на которой стоит трехэтажное здание таверны, меня отделяет короткий переулок, который я проскакиваю буквально за минуту. Здесь нет пожаров. Видимо, размещенные в таверне стражники и охранники каравана не допустили поджогов, а мины, выпущенные лихими людьми, сюда не попадали, причем, скорее всего, не случайно. Накрыть собственным минометным огнем свои же диверсионные группы было бы просто эпическим идиотизмом, которым главарь лихих людей явно не страдает.

Бой идет уже внутри таверны. Рядом со входом лежат тела двух охранников, а внутри здания слышится интенсивная стрельба. Похоже, бандитам удалось застать обороняющихся врасплох, и, воспользовавшись эффектом внезапности, нанести им значительные потери.

Для боя на сверхкоротких дистанциях лучше всего подошли бы револьверы, вот только это очень шумное оружие, а мне нужно действовать тихо. Обнаружив себя, я мгновенно лишусь значительной части своих преимуществ. Беру в руку шар и начинаю внимательно осматривать здание. В отличие от амулета, просто расширяющего спектр воспринимаемых моими глазами излучений, этот конструкт в режиме наблюдения способен видеть сквозь некоторые препятствия. Кирпичную кладку и железобетон он, похоже, просве-

чивает не лучшим образом, во всяком случае, лазутчик бандитов не смог меня обнаружить, когда я прятался за остатками фундамента разрушенной трансформаторной подстанции. А вот сквозь деревянные стены таверны шар видит прекрасно.

В холле за распахнутой дверью никого нет, но в комнате персонала за ближайшим к входу окном я вижу неподвижный мерцающий силуэт. Диверсанты, отправившиеся зачищать внутренние помещения, вполне разумно решили подстраховаться от удара в спину и оставили одного из бойцов прикрывать тыл на случай появления у таверны людей шерифа или ополченцев.

От меня противника закрывает угол здания. Меняю позицию. Для этого мне приходится вернуться на параллельную улицу и выйти к площади по другому переулку. Оставленный на посту бандит, естественно, не просто сидит за толстыми стенами. Он ведет наблюдение, активно вертя головой и пытаясь рассмотреть хоть что-то в слегка подсвеченной заревом пожаров темноте и периодически заполняющих площадь клубях дыма. Отсюда мне его хорошо видно, а вот он меня в таких условиях рассмотреть вряд ли способен.

Одновременно держать в руке шар и целиться в голову врага оказывается крайне неудобно, поэтому от идеи использовать конструктор тайкунов в качестве оптического прицела мне приходится отказаться, хотя подумать над этой идеей явно стоит, вот только не сейчас. С сожалением убираю шар

в карман и навожу «Вал» на цель только с помощью амулета, продолжающего подсвечивать мне голову противника в инфракрасном диапазоне.

Мой выстрел сопровождается только негромким лязгом затвора. Бандит заваливается внутрь комнаты и исчезает из моего поля зрения. Вновь беру в руку шар и убеждаюсь, что тело врага остается неподвижным. Только после этого, поднимаясь с колена и бегу ко входу в таверну.

В холле лежат тела. Бандиты совершенно не утруждали себя попытками отличить вооруженных охранников от обычных работников таверны. Собственно, иного от них ожидать и не стоило. На первом этаже тихо, а вот сверху доносится стрельба. Я помню, что комнаты Игната и Федора находятся на втором этаже. Не факт, конечно, что после начала атаки на Александровку они остались в таверне, но проверить стоит.

Лестницу, ведущую наверх, никто не охраняет. Диверсантов не так много, чтобы они могли позволить себе расставлять бойцов во всех ключевых точках. К тому же именно здесь мне попадается первый убитый охраной бандит, так что из этой группы лихих людей в живых на данный момент остаются максимум четверо.

Выход с лестничной площадки второго этажа ведет в длинный коридор, по обеим сторонам которого расположены комнаты для постояльцев. Ведущие в них двери открыты, и, судя по гуляющему здесь сквозняку, почти все окна тоже

распахнуты или просто выбиты.

Здесь совсем недавно завершилась короткая, но кровопролитная схватка. На полу я вижу тела двух охранников каравана, причем один из них наш, коробовский. Забрать их жизни даром у нападающих не получилось. Метрах в семи от меня, привалившись спиной к стене, сидит истекающий кровью диверсант. Он ещё жив, но это ненадолго. Бронежилет помог ему не умереть мгновенно, вот только заряд картечи, причем, похоже, сразу из двух стволов охотничьего ружья, не оставил диверсанту никаких шансов. Противник уже без сознания, но на контрольный выстрел я дефицитного и дорогого патрона не жалею. Человеческий организм – штука непредсказуемая. Вдруг, перед тем как заслуженно сдохнуть, он подарит своему хозяину немного сил на какую-нибудь предсмертную пакость.

Из дальней комнаты, расположенной по правой стороне коридора, слышны какие-то нечленораздельные крики, заглушаемые стрельбой, доносящейся с третьего этажа. После секундных колебаний решаю пока выше не подниматься. Ввязываться в бой, оставив за спиной непонятное количество врагов, мне очень не хочется.

Аккуратно обхожу тела и приближаюсь к дальней двери. В коридор оттуда падает довольно яркий свет. Впрочем, возможно, мне так просто кажется на фоне окружающей темноты. Осторожно заглядываю в дверной проем, и мой взгляд упирается в спину рослого бандита в бронежилете и кевларо-

вом шлеме. В левой руке он сжимает револьвер, а в правой – нож. Лезвие испачкано кровью, но, похоже, именно здесь, в этой комнате, диверсант пока никого не убил.

На полу, рядом с опрокинутым столом, сидят смертельно бледные Игнат и Федор. Старший караванщик, похоже, ранен. Впрочем, возможно, заливающая его лицо кровь – это следы учиненного бандитом допроса.

Федор замечает меня, и его глаза непроизвольно расширяются. Диверсант этого не видит, сейчас он вплотную занят Игнатом.

– Кто он такой? – рычит бандит, и нож в его руке опасно приближается к левому глазу старшего караванщика.

Ждать, чем закончится эта сцена я не собираюсь. Промануться с полутора метров решительно невозможно, и пуля, выпущенная из «Вала», входит в шею диверсанта сразу под защитным шлемом. Колени врага подгибаются, и он падает прямо на Игната, который, несмотря на свое состояние, умудряется отодвинуться чуть в сторону, чтобы разминуться со всё еще зажатым в руке бандита ножом.

– Откуда...? – севшим голосом сипит Федор, но его перебивает старший караванщик.

– Его подельники забрали мой артефакт, – тяжело выдыхает Игнат, – а этот допытывался у нас, где твой шар, кто ты такой и как тебя найти. Только поэтому мы ещё живы.

– Что это за шар, Белов? – шипит Федор. – Нас из-за тебя...

– Замолчи, – хрипит Игнат. – Всё позже. Сергей, поторопись. Наверху ещё двое лихих людей с серьезным оружием. Если не поможешь, они сейчас добьют наших и вернутся сюда. Почему ты один? Где баронская стража из города?

– Ещё в пути, – я достаю из рюкзака медицинский пакет и вручаю его Федору. Уже выходя из комнаты, бросаю через плечо: – Свет погасите и сидите тихо.

На третьем этаже всё ещё стреляют, но уже не так интенсивно. Оставшиеся вдвоем бандиты загнали туда переживших нападение охранников и теперь, видимо, просто ждут, когда их товарищ закончит с Федором и Игнатом, чтобы потом сразу уйти. Судя по всему, задача этой диверсионной группы – именно артефакты, так что после захвата одного из них и получения информации о местонахождении второго, оставаться в деревне им будет просто незачем.

– Фархад, что ты там возишься?! – раздается недовольный крик сверху и вслед за ним сразу звучат три быстрых выстрела из автоматической винтовки, в ответ на которые грохочет охотничье ружье.

Мне нужно торопиться. По идее, бандит, оставшийся с Игнатом и Федором, должен что-то ответить на этот гневный окрик. Судя по тону, которым он был задан, вопрос исходит от командира диверсантов.

– Фархад! – наверху явно теряют терпение.

Я быстро поднимаюсь наверх, держа под прицелом площадку третьего этажа. За поворотом лестничного марша мне

открывается вид на укрывшихся рядом со входом в коридор бандитов. Здесь темно, но не до такой степени, чтобы мое появление осталось незамеченным. Отсветы пожаров из окон частично разгоняют мрак. Реакция у одного из противников оказывается просто фантастической. Он успевает выстрелить первым, и лишь вовремя сработавшее чувство опасности заставляет меня отпрянуть назад. Две пули одна за другой выбивают острые щепки из бревен совсем рядом с моей головой. Стрелявшего я больше не вижу, но второй бандит пока не успевает отреагировать на изменившуюся ситуацию, и его спина с моей позиции просматривается достаточно хорошо, чем я и спешу воспользоваться. Пуля бьет противника между лопаток, и он выпадает из своего укрытия прямо в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.